

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ

АННЫ БУНИНОЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печашано въ типографіи Императорской
Россійской Академіи,

1 8 1 9.

Печаташь позволено:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурной Комиссїи: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. П. Б. Августа 28 дня, 1819 года.

Цензоръ, Стат. Сов. и Кавалеръ

И в. Тилковской.

С М Ъ С Ъ

Ц И К Л О П Ъ.

И Д И Л Л І Я.

Ц И К Л О П Ъ.

И Д И Л Л І Я. (Вольной переводъ Θεοκριτα).

Любовь! всесильная любовь, гдѣ средства
въ мірѣ,
Могущія швой ядъ изъ сердца испребить?
Ихъ нѣтъ! законъ судебъ: томиться и любить.
Но таинствоу Музъ сокрыто въ спройной лирѣ,
Питая спрасъ, ея жестокоспи смягчаъ.
Люби и пой, чшобъ менѣ спрадаъ.

*

Такъ Полифемъ, Циклопъ несчастный,
Съ свирѣлью соглася свой голосъ спрасный
Уединясь опъ всѣхъ, любовь свою пѣваль.
Ему свирѣный рокъ, къ напаси, предписаль
Во цвѣтѣ лѣтъ своихъ увидѣшь Галашею,
Прелеспную изъ Нимфъ морскихъ ближайшихъ
водъ,
И сердце мирное воспламенилось ею.

Текутъ дни, мѣсяцы, проходишь годъ:
Часть III. 1

А Полифемъ живя одною спрасстью
 Забыль себя, друзей;
 Спокойно предаеть стада свои ненастью

И люшоспи лѣсныхъ звѣрей.
 Не розы для него любовь пригошавляла,
 Не миршovy вѣнки въ награду мукъ сплешала;
 Но перніемъ свила его нещасны дни;
 Но адскимъ Фуріямъ подобно, духъ шерзала;
 Но вздохи вѣчныя гошвила одни!
 О Полифемъ! уже ль чувспвишельныхъ удѣлъ

напаспи?

Уже ль перемѣнишь не лзя суровой часпи?
 Не лзя; но Полифемъ смягчашъ ее умѣлъ.
 Опъ ушра ранняго до позднія Авроры

Вперя унылые на море взоры,
 Какъ будшо спражъ его, вседневно онъ сидѣлъ,
 На каменныхъ верьхахъ высокаго ушеса,
 Нося въ груди спрѣлу, месць злобной дщери
 Зевса,

И пакъ свои спраданья пѣлъ:

*

О ты, прелеспная! краса и чудо свѣша!
 Которой милья уста алѣй
 Пылающей зари средъ лѣша,

Которая сыровъ моихъ бѣлѣи,
 Нѣжнѣй ягняшъ, шельцовъ быспрѣи,
 Рѣзвѣющихся подъ тѣнью лѣса,
 И непреклоннѣе кремнистаго утеса!
 Люблю тебя. а ты меня бѣжишь;
 Бываешь здѣсь, какъ сонъ глаза мои смыкаетъ,
 Едва проснусь, къ волнамъ спѣшишь.
 Споль агнца робкаго волкъ хищный несмущаетъ,
 Какъ я тебя собой пугаю всякой разъ.
 Увы, жестокая! еще въ потъ давнѣй часъ,
 Когда ты съ матерью моею приходила
 На этомъ холмъ вѣнки изъ гѣацинговъ вить,
 Еще тогда меня краса твоя плѣнила;
 Я провожалъ тебя, взглянулъ, и спалъ любилъ.
 Умру не измѣнясь! а ты пренебрегаешь;
 Но что безчужденной? ты жалости не знаешь!
 И вотъ за что моя отвержена любовь,
 И вотъ причина вся споль жребія дурнаго,
 Что чрезъ чело мое, опъ уха до другаго,
 Проходитъ длинная щепинистая бровь,
 Подъ коей глазъ одинъ; а надъ губами
 Нависъ широкой носъ: въ томъ вся моя бѣда!
 Но съ сими малыми красами,
 Послушай, я пасу несчетныя спада,
 И въ каждое годично время
 Пью сладкое млеко, ѣмъ вкусные сыры;

Всѣ кошницы мои погнулися отъ бремя!
 Къ тому жъ имѣю я природные дары;
 Могу не лживо похвалишься,
 Что ни одинъ Циклопъ со мною не сравнится
 Пріятностью въ свирѣль играть.
 Нерѣдко мнѣ тебя случалось воспѣвать ,
 Средь мраковъ ночи темной.
 Я для тебя кормлю одиннадцать ягнятъ ,
 Волной покрытыхъ испещренной,
 И четырехъ еще питаю медвѣжатъ.
 Приди, прелестная, въ сей гротъ уединенной,
 Принявъ изъ рукъ моихъ готовыя дары!
 Пускай о камня утесистой горы
 Ярся волны ударяють;
 Никто уже тогда твой не смущитъ покой!
 Сей гротъ, украшенный природою одной,
 Со всѣхъ сторонъ деревья осыняютъ :
 Гдѣ лавръ расцветъ , гдѣ плющъ, гдѣ зрѣетъ
 виноградъ ,
 Гдѣ кипарисъ благоухаетъ ;
 А гдѣ для нѣги и прохлады
 Божественно питье струяся иссекаетъ
 Изъ бѣлыхъ, Этною расплеченныхъ снѣговъ
 Всѣ ручейки мои воды той полны!
 Уже ли симъ мѣшамъ, достойнымъ и боговъ.
 Кто можешь предпочесть морскія волны?

Когда жъ тебѣ чрезъ чуръ космашымъ я кажусь:
Неугасаемый подъ пепломъ огонь имѣю ,

Иль, мыслишь, оробѣю?

Скажи, о милая!—на все рѣшусь.

Хотя бы ты сей глазъ единственнѣйшій, безцѣнный

Сожгла въ забаву для себя ;

И шопъ говновъ принесть на жертву для тебя!

Почто мнѣ рокъ ожесточенный ;

Почто мнѣ съ жабрами родиться не судиль :

Тогда бъ съ тобою былъ !

Тогда бъ, не зная разлуки горя ,

Послѣдовалъ тебѣ въ средину моря ,

И спать бы тамъ пивои я руки цѣловать ,

Когда бы лобызая успя ты возбраняла.

Ты бъ все изъ рукъ моихъ единыхъ получала!

То бъ иногда тебѣ цвѣшистый макъ доспала :

То бы душистую принесть лилею.

Я знаю, къ горести, и прежде зналъ ,

Сколь море мило вамъ прохладою своею ;

Но шолько бы пловецъ къ брегамъ моимъ при-
спалъ ,

Въ минушу плавать научуся ,

И болѣе съ шобой во вѣкъ не разлучуся.

Приди ко мнѣ, приди , безсмертныхъ Нимфъ
краса !

Приди, чшобъ позабыть клубящіяся воды ,

Какъ я, узнавъ тебя, съ того жъ часа
Забылъ весь міръ, и не ищу свободы!

Приди со мной моихъ овечекъ охраняшь,
Мы спанемъ вмѣстѣ сыръ съ побою выжимаешь;
Съ любящимъ милая, мѣлькающъ годы!

*

Тебя, жестокосерда мать!
Тебя, въ своихъ бѣдахъ я долженъ упрекать!
Тогда какъ опъ любви я сохну, увядаю,

Ты знаешь и молчишь,
И въ Нимфѣ жалости ко мнѣ не поселишь.
Спрадай, жестокая, когда и я спрадаю!
Скажу тебѣ; что я готовлюсь умирашь;
Что голова болишь, что не владѣюшь руки;
Что будно на ногахъ не въ силахъ устояшь;
Пускай и ты со мной мои раздѣлишь муки.

*

О! ты, Циклопъ, Циклопъ, игра судьбины злой!
Что спалося съ побой? — гдѣ дѣлся разумъ
твой?

Ты щаспливѣ былъ въ своихъ шрудахъ вседнев-
ныхъ;

Начни кормишь ягнятъ, начни корзинки плеснь;

Не лучше ль то любишь, что есть.
 И не мрачишь поской часовъ уединенныхъ,
 Чѣмъ каждый мигъ тебѣ гоняшься за мечшой,
 Которая тогда жъ мгновенно улепаетъ!
 Какъ знашь, гдѣ щасіе! бышь можешъ, что
 съ другой
 Оно Циклопа ожидаешъ.

*

Такъ! гордая! и мнѣ случалось замѣчашъ,
 Что Нимфы сельскія хопяшъ со мной игратьъ,
 И глядя на меня, съ пріятностію смѣются!
 Ихъ также спроенъ спанъ; ихъ также кудри
 вьются ;
 Съ такоюжъ легкостью мѣлькающъ на холмахъ;
 Почти есть сполькоже пріятности въ устахъ;
 Почти тебѣ во всемъ подобны красоюю.
 Такъ видно, что и я чего нибудъ да спою!
 Къ чему жъ мнѣ вѣрное на мнимое мѣняшъ,
 И непреклонную любя помишъся?
 Опомнись, переспанъ за призраки спрадать!
 Нѣшъ! лучше съ жизнію, чѣмъ съ ними разлу-
 чисься!
 Такъ спрасъ свою Циклопъ пишая воспѣвалъ:
 Равно любилъ; но менѣе спрадалъ.

Л И В І Я.

И Д И Л Л І Я.

Л И В І Я.

И Д И Л Л І Я.

К А М И Л Л А.

Что дѣлаешь ты здѣсь, съ открытой головою,
На солнечномъ жару; одна, томясь опъ зною,
Средь камней и песковъ?

Л И В І Я.

Ломаю сей утесъ.

К А М И Л Л А.

Не видишь ли, что онъ касается небесъ,
И весь изъ мрамора?

Л И В І Я.

Все вижу,—и ломаю.

К А М И Л Л А.

Что сдѣлалъ онъ? — за что?

Л И В І Я.

Себя караю.

Тогда какъ Эзилай бѣды мои узналъ,
Презрѣлъ спенаніемъ и горесѣми игралъ;
Съ душею полною любви и напасши,
Томясь въ мученіяхъ несчастной, люшой спра-
спи,

Я поперявъ весь умъ, скипаясь въ сихъ мѣспахъ,
И ложь опчаянну сплепая на успахъ,
Сказала:—Ливія не любишь Эзилая,
Не думаешь о немъ! мила ль ему другая:
Аминша ль, Дафнали, мнѣ все теперь равно;
Спокойствіе свое я берегу одно.“

Тупъ эхо между горъ, слова шѣ повпорая,
Твердило: *Ливія не любитъ Эзилая!*

Тогда съ улыбкою прилегши на ушесъ,
Внимала я, какъ гуль слова мои понесъ
Въ деревни, въ города, въ окресные предѣлы,
И мя испоргнушь пѣмъ вонзенны въ сердце
спрѣлы,

Я льспилась, что могу съ словами разлюбить,
Могу окаменѣшь, напасши прекрапишь.
Я льспилась,—и лице веселіемъ покрылось;
Но пламя люшое въ груди моей шайлось:
Палишь ее . и ахъ! на гаснешъ опъ рѣчей!

Весь адъ съ любовію ношу въ груди я сей.

Вчера мнѣ Сильвія сказала, здѣсь гуляя :

„Похвально, что любишь не хочешь Эзилая !

„Пастушки здѣшнихъ мѣспѣ швердяшъ меж-
ду собой :

„Возможно ль то любишь , что губишь нашъ
покой?

„И Эзилай не Богъ; подруга справедлива “

Нѣшъ, Сильвія! нѣшъ, нѣшъ! подруга ваша лжива.

Гнушаюсь клеветой, хочу ее открыть,

Чтобъ съ истинной себя и съ вами примирить.

Не Богъ онъ; но ужъ ли равны ему *Тирсисы*,
Меналки, *Дафнисы*, *Милоны*, *Алексисы*? —

Знай, Сильвія! — любишь его и переспаешь

Есть поже для души, что живъ и не дышаешь.

„Такъ эхо въ сихъ скалахъ насъ всеубольстило?“

Оно вамъ ложныя слова лишь повторило.

Иду сей часъ его за то опселя изгнать :

Въ себѣ опмсипишь обманъ, съ нимъ вмѣстишь
поспрадать.

И вопъ ужъ двѣ зари здѣсь Ливія вспрѣчаешь,

Дыханьемъ пламеннымъ ушесы согрѣваешь ;

А камни цѣлы всѣ

КАМИЛЛА.

Но не рукѣ швоей,

Нещасна Ливія, свершишь трудъ тяжкій сей,
Умрешь! и жизнь твоя во цвѣтѣ прекратится.

Л И В І Я.

А съ ней минешь напасъ, престанутъ слезы
лишься.

ЩАСТЛИВЫЙ МЕНАЛЪ.

И ДИДЛІЯ.

ЩАСТЛИВЫИ МЕНАЛКЪ.

И Д И Л Л И Я.

Чишана въ Бесѣдѣ любителей Рускаго Слова
1815 года.

Теки желанное свѣшило!

Теки! и лучъ послѣдній скрой!

Для тѣхъ печалень западъ пвой,

Чье сердце скорбно и уныло;

Мое, — какъ въ лѣшне упроты,

Безъ зноя полно теплоты.

* * *

Такъ мнилъ Меналкъ свободный онъ печали.

Надежды тайныя, ползущи какъ змѣи,

Несбывчивыхъ ушѣхъ соупницы сіи,

Въ немъ болѣе души не удручали.

Богатъ безъ золота, бодръ, силенъ, здоровъ,

Онъ весель безъ забавъ,

И щасливъ безъ желаній.

Долина для него есть пиръ Царей;

*

Не злѣбна пѣварь: соборъ друзей ;
 Довѣренносѣ къ судбамъ : сокровище спя-
 жаній.

*

Меналкъ веселья полнъ ,
 Любуясь солнечнымъ закашомъ ,
 Возсѣлъ при шокѣ чистыхъ волнъ.

Богатыя поля, горящи злапомъ
 Лежали передъ нимъ;
 Вѣпръ легкій колебалъ ихъ класы;
 Пернатыхъ раздавались гласы.
 Меналкъ внималъ , по имъ ,
 То свѣшлыхъ водъ журчанью ,
 То лисвій на древахъ нѣмому шрепешанью ,
 Воспоргомъ умиленъ души.

*

Тамъ паспырь на холму зарѣчномъ стоя ,
 Зовешъ разсыпанны ошъ полденнаго зноя
 Спада въ глуши:
 Свирѣль его наполнила дубравы.

Тамъ кони величавы
 Со ржаньемъ скачуть на лугахъ,
 Взымая гривы:
 Ярма не чуя на хребтахъ
 Щасливы.

*

Свободенъ какъ они,
 Меналкъ, въ пріажномъ упоенье,
 Воздавъ Творцу благодаренье,
 Воспѣлъ свои щасливы дни.

*

Блаженъ! онъ пѣлъ, блаженъ спокрапы,
 Что свергнувши яремъ спрасшей,
 И время, и покоя безъ упрашы,
 Я въ мирѣ съ совѣстью своей,
 Какъ чадо вѣрное природѣ,
 Дышу въ свободѣ!
 Безхипростенъ и просѣ,
 Спяжаній не помлюсь алчбою;
 Дары Творца не опускаю въ ростъ;
 Доволенъ даннымъ мнѣ судьбою;
 Не спрою башенъ на пескахъ
 Сыпучихъ, зыбкихъ, ненадежныхъ;

Главы не возношу до облакъ снѣжныхъ:
 Мнѣ чуждъ паденья спрахъ.

*

Блаженъ, чшо съ завистью споокой,
 Сей люшой хищницей покоя, незнакомъ!
 Пускай они: иной на степени высокой,
 Другой изъ мрамора соорощишь домъ,
 Тотъ скопишь злапа слишки:
 Я радостно смопрю на ихъ избышки.
 Пускай достоинъ сей вѣнца,—
 Меня по ревностью не гложеть тайной:
 Не зрю въ преспѣяньи судьбы случайной,
 Но волю познаю Творца!

*

Когда сосѣднія сшада
 Начнушь ошъ шука лоскомъ покрываешься:
 Всегда
 Хожу на нихъ я любовавься!
 Съ сиропкой, съ бѣднякомъ,
 Дѣлюся молокомъ
 Ошъ каждого удою;
 Служу охотно имъ и козь моихъ волною,
 Бывъ сытъ и тепель самъ.

Благодаренье небесамъ !
 Чешыре у меня ! какъ кипеньъ бѣлы ,
 Здоровы, рѣзвы, смѣлы :
 По голосу ко мнѣ бѣгутъ издалека.
 Еще съ ягнятами двѣ машки ;
 Телица пусть одна, но сполько молока ,
 Что даже ешь оспашки.
 Пускай и нѣтъ въ дому моемъ рабовъ ;
 Но бывъ охотникъ до трудовъ ,
 Обилую богатствомъ поле я многимъ ,
 Что Крезъ передо мной мнѣ кажется убогимъ :
 Оно въ умеренности нуждъ ;
 Я ею скорби чуждъ.

*

Къ Раисѣ болѣе любовію не шаю ,
 И иго свергъ съ себя :
 Я нынѣ щасливъ не любя !
 Хотя говорю о ней, хоть вовсе забываю ,
 Покоя не теряю !
 Пусть гордая живетъ сама съ собой ,
 Себѣ не зная равныхъ ;
 Покой считаю мой
 Дороже душъ я хладныхъ !

Когда тебя, надменная! любилъ ,
 Я каплю радостей вкусилъ ,
 И море испилъ огорченій .
 Конецъ, Раиса, заблужденій !
 Здоровъ и шѣломъ и душой.

Не лунными кругами ,
 Считаешь уснешь и годами ,
 Какъ рабъ я былъ Раиса , швой !
 Взлѣлю ли цвѣпокъ красивой и душистой ,
 Къ тебѣ несу съ смиреньемъ на поклонъ !
 Другихъ покоишь сонъ ;
 А я съ скалы кремнистой ,
 Мой къ лирѣ приспособя гласъ ,
 Тебя пою въ полночный часъ !
 Пою, не ждавъ суровства обороту ;
 Но пѣнемъ уладишь швою дремошу ,
 И сладки на тебя спустишь мечшы .
 Была ли и за то мнѣ благодарна ты ?

Когда идешь за тучными спадами
 И ихъ люблюсь песпропой ,
 Улыбкой озаришь взоръ мрачный свой ;

Тотъ прахъ, которому касалась ты стопами,
 Тогда я радъ припадши цѣловать;
 Я радъ тогда и жизнь мою отдать!
 И солнца, и Авроры
 Пріятнѣе твои казались мнѣ взоры,
 Хотя и не ко мнѣ обращены.
 Чѣмъ та любовь и муки возданы?
 Невѣрная! я боленъ былъ:
 Отецъ и мать у ногъ моей поспѣли
 Съ ошчаяньемъ сидѣли:
 Къ опцу и къ мащери оспылъ!
 Къ тебѣ одной я мыслями спремился!
 Твой образъ надо мной носился;
 Тебя одну во всемъ я зрѣлъ!
 Мой духъ уже готовъ разстаться съ плѣломъ;
 А я въ бездѣйствіи немѣломъ
 Къ тебѣ лепѣлъ!
 Что жъ дѣлала въ то время ты?
 Безпечно на лугахъ рвала цвѣты,
 И живъ ли я, спросить не пожелала!

Эльвира спросить ко мнѣ пишала:
 Я подарилъ тебѣ корзинку для плодовъ,
 Котору для меня Эльвира соплешала,
 Изъ мирсовыхъ душистыхъ корешковъ,

Цвѣтной соломкою обвиныхъ.
 Я все тебѣ отдатьъ желалъ,
 И въ сихъ желаніяхъ насыпыхъ
 Себѣ казался бѣденъ, малъ,
 И дерзостно ропшалъ на Провидѣніе!
 Повѣрялъ ли? вмѣнялъ я въ пресупленіе
 Сберечь что для себя!
 Опець меня съ горячностью любя,
 Принесъ мнѣ яблоко, сквозяще опъ налива;
 Я мнилъ: тогда оно щаспливо,
 Какъ будешь у тебя!
 Одно ли то: и вишни сладки,
 Малину зрѣлую, и всѣхъ плодовъ начашки
 Я самъ ни раза не вкусилъ:
 Тебѣ носилъ.
 Какъ рабъ я къ швоему прикованный былъ дому!
 Неблагородная! а ты къ другому.
 Нѣтъ! нѣтъ! я шѣмъ тебя не упрекну:
 Себя любила ты одну!

*

Такъ пѣлъ Меналкъ свободу возвращенну!
 Тупъ пѣснь свою неухищенну
 Съ весельемъ прервалъ онъ,
 И опходя подъ сѣнь смиренну
 Еще воззрѣлъ на небосклонъ.

Аврора алыми перспами
 Замкнула солнечны врапа ;
 Но западъ все еще горѣлъ огнями !
 Природы лѣнопа
 Прозрачнымъ облекшись покровомъ
 Въ величїи возспала новымъ.
 Взошли опъ справъ куренья къ небесамъ.
 Пары, вздымаясь надъ лугами ,
 Казались очесамъ
 Пловущими морями.
 Пернатыхъ хоръ замолкъ :
 Они склонились къ покою.
 Лишь хищный крадясь волкъ
 Излучистой пропою ,
 Засохшимъ хвороспомъ хрустѣлъ ,
 И нѣжный соловей на вѣшкѣ пѣлъ.
 Его раскапы, переливы, свисшы ,
 Дробясь въ несчетныхъ голосахъ ,
 Гремѣли на скалахъ ,
 И воздухъ оглашали чистый.
 Изъ нѣдръ зеркалами лежащихъ водъ,
 Древесь вѣшвисныхъ подъ навѣсомъ ,
 Какъ будто легкій хороводъ ,
 Пускаясь въ ходъ ,
 Играли рыбы плесомъ ,
 Открывъ чешуйчаны хребшы.

Взошла и Цинтія Эфира въ высоты ;
 Съ ней чары, призраки, мечты и пѣни .
 Преспола аспидна возсѣли на ступени ;
 Имуща маковы она цвѣшы ,
 Ихъ къ смертнымъ бросила на вежды.

*

Меналкъ проведши мирно день ,
 Бывъ полонъ въ будущемъ надежды,
 Ошшелъ съ веселіемъ подъ сѣнь.

П О Х В А Л А Л Ю Б В И.

ПОХВАЛА ЛЮБВИ,

*сдѣланная по требованію Николая Исаевича
Ахвердова, желавшаго воспѣвъ самый же сей
предметъ быть моимъ состязателемъ. По-
бѣдителю назначался вѣнокъ изъ свѣжихъ, души-
стыхъ березокъ, свитыхъ руками побѣжденного.*

Не въ Римѣ было то, и не въ Аѳинахъ,
Нешамъ, гдѣ съ лирами кашались на дельфинахъ,
Не тамъ гдѣ лирами вздвизались города,
Гдѣ сладкая шекла Каспальская вода,
И шигровъ музыкой смирялись люшы нравы;
То было въ Сѣверѣ, въ морозы и метель:
Парменъ, побѣдами искалъ привыкшій славы,
И какъ-то Панову похищивши свирѣль
Спаль всѣхъ перекликалъ съ собой въ единобор-
ство.

Нейдутъ: онъ жребіи,—и жребій выпалъ мой.

Я прозбы, — я упорство:

Помилуй, говорю! „нѣтъ пой.“—
 Но какъ съ свирѣлю мнѣ спязаться Пана?
 То споръ съ дышащей великана!
 „Пой, пой!“—что спану пѣшь?—„Лю-
 бовь.“—

Рѣчей не спраша вновѣ
 Съ уныніемъ, съ шоскою,
 И зная, что паду средъ бою,
 Пошла неспройную я пѣснь свою слагать.
 Пускай бы сельскія карпины воспѣвашь!
 Какъ въ моря смошрянся кремнисты, дики
 скалы,
 Какъ западны лучи дрожа по нихъ скользятъ;
 Какъ пахарь пѣснями привѣшпвуя закашъ
 Увозишъ съ пажисей блестящія оралы;
 Какъ шучныя спада по злакамъ разбрелись:
 Чрезъ холмы скачешъ лань,—въ пустыняхъ
 рысь,—
 По дебрямъ хищный волкъ,—въ опушкѣ заяць
 робкій;
 А дѣвы рѣзвыя, на всей красѣ
 Пусшась въ горелки по росѣ
 Чершяшъ извивисшыя шропки;
 Какъ мѣсяць кашишся, завивъ себѣ рога;
 Какъ мягкимъ бархашомъ одѣлися луга;

Какъ рѣчка крадучись въ брега оплоги
 Чуть , чуть , журчишь ,
 Иль прядая , чрезъ острые пороги
 И брызжешь , и рѣвешь , и слѣпишь , и глушишь :
 Подобны зрѣлища для каждаго не новы !
 Ихъ пѣшь гораздо посходнѣй !
 „Нѣтъ! пой“—кричишь Пармень—, „сердечныя
 оковы ;—
 „Любовь, всеобщую владычицу людей!“—
 Пустышакъ! Пою любовь къ родителямъ дѣтей!

*

Привѣспивую тебя посланница небесна !
 О сколь ты сладостна, крошка, полезна!
 Ты нѣжишь , — не крушишь!
 Какъ вешне солнышко шихонько согрѣваешь!
 Съ тобою никогда въ накладѣ не бываешь!
 Напасъ ли вспрѣтися , — къ родителямъ
 спѣшишь,
 Унятъ на ихъ груди души изнеможенъ ,
 И горести повѣдавъ имъ свои
 Въ умильномъ взорѣ ихъ испить ошъ бѣдъ
 цѣленъ.

Но ахъ! шо пѣсни не мои !
 Часть. III

Гонима, гнѣвно небесами,
 Для имя мащери не двигла я ушень!

И слабыми руками

Изъ крѣпкихъ вырвавшись пелень
 Не обвивалась вокругъ ея драгаго спана!
 Иная участь мнѣ судьбой моей послана!
 Еще я взоровъ къ ней не знала обращать,
 И чуждыхъ опъ ея улыбки опдѣлять,
 Какъ рокъ изрылъ для ней довременну могилу!
 Прочь пѣсни! Прочь хвалы! Напѣвъ
 вашъ слишкомъ живъ!

Мнѣ завыванію надгробному, унылу

Шлешь эхо спонъ въ опзывъ,
 И ужасомъ власы вздымаешь на челъ!

Какъ гибнушь призраки въ густой, полнощ-
 ной мглѣ,

Такъ мысль о щасіи семейномъ,
 Въ умѣмоемъ, тревогой омраченномъ,
 Носящемъ сиропспва угрюмую печашь
 Теряется, о скорби преломяся.

Пармень!позволь мнѣ о любви молчашь!
 Пусть дѣва свѣшлая, чело вѣнкомъ украся,
 И скачуща вокругъ родипелей своихъ
 Поешь любовь свою и ихъ;
 А я пускай молчу.

Какую пѣшь любовь могу и захочу!
 Иль шу, что Ливіа пипаетъ къ Эзилау?
 Нѣшь, нѣшь! я Ливіи бѣды не проклиная;
 Но пѣшь ее не движущя уша.

Пармень! видалъ ли ты, какъ червь всечасно
 алчной,

Изникнувшій изъ нѣдръ долины злачной,
 Пиетъ послѣдній сокъ разшерзанна листа?
 Зефиръ прохладу ль шлетъ,—земля ль удвоитъ
 силы,

Иль Фебъ лѣетъ свой огонь листа въ изсохши
 жилы:

Зефиры, Фебъ, земля его не воскресятъ!
 Онъ вянетъ, блекнетъ и свалился.

Пармень! кто пламенемъ объятъ помнитъ,
 Ни разумъ силъ того, ни дружба не скрѣпятъ!

Не шакъ средь дикихъ скалъ ягненокъ поза-
 бытый

Безпечную свою повсюду ищетъ мать;
 Тоскуетъ, мечется, не знаетъ, что начать;
 То вдругъ взбирается на оспрые граниты,
 То въ пропасти бѣжитъ не мысля о себѣ,
 И робкимъ бывъ рожденъ безспрашнымъ спа-
 новився:

Какъ Ливія съ опчаяньемъ въ борбѣ
 Искать безпечнаго повсюду мчишся.
 Не такъ, прижавшись въ кустахъ,
 Преслѣдуема вдругъ и грозными спрѣльцами,
 И легкими въ ловившѣ псами,
 Испуганная лань свой смершный множишь
 спрахъ;
 То вся какъ лисъ дрожишь, шо въ членахъ
 цѣпенѣешь,
 То мерзнешь, шо горишь,
 То смерши не приявъ опъ ужаса мершвѣешь
 И бышь себя въ живыхъ не мнишь;
 Какъ Ливія, увидя Эзилая
 Съ минупой каждою свой множишь спрахъ,
 Смершями шысячью мгновенно умирая!
 Зачнешь ли говоришь: нѣмѣешь гласъ въ усахъ;
 Слагаюшя слова безъ связи,—перерывны;
 Въ очахъ шемнѣешь свѣшъ, — родяшя виды
 дивны;
 Всякъ кажешя не шѣмъ, какимъ кпо прежде
 былъ,
 Всякъ миль вдругъ и пошылъ
 То, словомъ, полное ума и чувспѣвъ смяшенъе!
 Такую пѣшъ любовь придешь ли въ мысль кому?
 И нравишяль, Пармень! шакое пѣснопѣнье?
 Позволь мнѣ о любви молчашъ;

Межъ ней и щаспiемъ враждующая сила.
 Нѣтъ, нѣтъ! и я опъ ней приапства дней
 вкусила!

И я хочу ее блажишь и прославлять!
 Да вѣюшь надо мной во вѣкъ ея знамена!

*

Не къ щещнымъ призракамъ, не къ славѣ,
 не къ сребру,
 Пою къ добру
 Горячую любовь Пармена!

Какъ пупникъ челнокомъ, носимый средъ валовъ.
 Смѣлся ихъ грозѣ ушедъ въ домашній кровъ,
 Ни бури не дрожишь, ни каменей подводныхъ;
 Такъ спраждуци опъ бѣдъ,
 Опъ злобы, иль сердець холодныхъ
 Мняшь горесей и злобы нѣтъ,
 Къ Пармену скрывшися въ обьяпія надежны.

Тебя, виновница упѣхъ,
 Дающа радости Пармену безмятежны,
 И слезы скорбнаго мѣняющая въ смѣхъ,—
 Тебя блажу своей цевницей тихозвучной!

Да длился власть пволя, сколь спанешъ длип-
ся свѣшъ !

Да будешь смерпныхъ пы подругой неразлучной!

Да злобой наносимый вредъ,
И вѣтреной фортуны перемѣна
Исправятся, о! крошкая, шобой !
Не пы ли, нѣжною рукой

Прижала чуждыхъ чадъ къ груди Пармена! *)
Не пы ли въ домъ его меня съ собой свела !
Смотри! теперь я въ немъ какъ въ собствен-
номъ смѣла :

Кричу, шумлю, повелѣваю ;
То лучшую себѣ свѣшлицу избираю ,
И въ ней живя смѣюсь, иль шружусь ;
То свой премѣнный шѣша вкусь
Въ другой себя хозяйкой назначаю ;
То слова не хочу промолвить я ни съ кѣмъ :
Сижу задумчива, мрачна, грушплива ;
То дѣлаюся вдругъ безмѣрно говорлива,—
И доброй мой Пармень доволенъ всѣмъ !
Съ супругою его умильной, благонравной ,
Какъ съ кровною живя сеспрой

*) Н. И. А. собственныхъ дѣшей не имѣлъ; но со всею
родимельскою нѣжностію воспитывалъ племянниковъ.

И ихъ смиренный домъ, земному раю равный
На пышный не смѣню дворецъ златой!

*

Пою любовь къ добру щаспливаго Пармена!
Да вѣюпъ надо мной во вѣкъ ея знамена!

С У М Е Р К И.

С У М Е Р К И.

*Гавріилу Романовичу Державину, въ его
деревню Званку.*

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы,
Скапился въ океанъ и загорѣлись воды.

Почій опъ подвиговъ! усни, сокрывшись въ
поншъ!

Усни и не мѣшай мечтамъ ко мнѣ спустишься,

Пусть юная Аврора веселишся,

Рисуя першомъ горизонтъ,

И къ упру свѣжія гошовишъ розы;

Пусть ночь, сей добрый чародѣй,

Разсыпавъ макъ, опрешъ нещас-
ныхъ слезы,

Тогда опдамся я мечшъ своей.

Облекши истину призракомъ ложнымъ,

На рокъ вериги наложу;

Со щасіемъ союзъ свяжу,

Блаженствомъ упіясъ возможнымъ.

Иль вырвавшись изъ стѣнъ пустынныхъ,
 Въ бесѣды преселюсь великихъ, мудрыхъ силь-
 ныхъ :
 Усни, Царь дня! потъ пухъ, кошорой описаль,
 Великъ и многошрудень.

Ошкуда яркій лучъ съ высотъ ко мнѣ сверкнулъ,
 Какъ молнія, по облакамъ скользнулъ?
 Померкъ земный огонь.....о ! сколь онъ слабъ
 и скуденъ!
 Средь сумраковъ блеспишь,
 При свѣшѣ угасаешь!
 Чьихъ лиръ согласный звукъ во слухъ мой
 ударяешь?
 Везмерныхъ ли Харипъ
 Ошверзлись мнѣ селенья?
 Сколь дивныя явленья!
 Тамъ ночь въ окресностяхъ, а здѣсь восшокъ,
 Лучемъ весення ушра
 Злапишь Каспальскій шокъ.
 Вдали, изъ перламушра,
 Сквозь пальмовы древа я вижу храмъ,
 А шамъ,

Средь миршовыхъ кусповъ, склоненныхъ надъ
водою,

Почтенный мужъ съ опкрытой головою

На мягкихъ лиліяхъ сидишь,

Въ очахъ его небесный огонь горитъ;

Чело, какъ утро ясно,

Съ усами и съ душой согласно,

На коемъ возложенъ изъ лавръ вѣнецъ;

У ногъ споишь злая лира;

Коснулся и воспѣлъ причину міра;

Воспѣлъ, и заблесталъ въ швореніяхъ Творецъ.

Какъ свѣтъ во всѣхъ концы вселенной проникаешь,

Въ пещерахъ мраки разгоняешь,

Такъ гласъ его во всѣхъ промчавшихся мѣстахъ,

Мгновенно облетѣлъ пространно царство!

Согнулось злобное коварство,

Молчишь невѣріе безбожника въ устахъ,

И суетудрію не зришь опоры;

Предстала истинна невежеству предъ взоры:

Великъ, гласишь тона, — великъ въ швореніяхъ богъ!

Умолкъ пѣвецъ... души его воспоргъ

Прервалъ согласно пѣснопѣнье;

Но въ сердцѣ у меня осталось впечатлѣнье,

Кошораго ничто изгладить не могло.

Какъ образъ проходя сквозь чистое стекло
Единой на пути черпы не поперяешь ;

Такъ вѣрно истина себя являетъ ,

Ишедъ ушами мудреца :

Всегда равно ясна, всегда умильна ,

Всегда доводами обильна ,

Всегда равно влечетъ сердца.

Пѣвецъ отеръ слезу, коснулся вновь перстами ,

Ударилъ въ струны, загремѣлъ ,

И сладкозвучными словами

Земныхъ Боговъ воспѣлъ !

Онъ пѣлъ Великую изъ смертныхъ на престолѣ ,

Ея побѣды въ бранномъ полѣ ,

Союзъ съ премудросью , любовь къ благимъ
дѣламъ ,

Награду ревностнымъ ширдамъ .

И лиру кропя слезою благодарной ,

Во мзду щедрошѣ изліянной ,

Вдругъ вновь умолкъ воспоргомъ упоень .

Но гласъ его въ цѣпи временъ

Безсмертную дѣлами

Блюдетъ безсмертными стихами !

Спустились Граціи, перемѣнили строй ,

Смягчился громъ подъ гибкою рукой ,

И сельскіе слышались напѣвы,
 На звуки ихъ стеклися дѣвы.

Какъ легкій вѣшперокъ
 Порхая чрезъ поля съ цвѣшпочка на цвѣшокъ,
 Кружился, рѣзвился, до облакъ извиваясь :
 Такъ дѣвы юныя сомкнувшись въ хороводъ,
 Порхали по холмамъ у шока чистыхъ водъ,
 Шопами легкими едва землѣ касаясь,
 То въ горы скачучи, шо съ горъ.
 Пѣвецъ веселый бросилъ взоръ.
 (И мудрымъ нравился невинная забава).

Спройна, пріятна, величава,
 Въ одеждѣ тонкой изо льна,
 Безъ перль, безъ пурпура, безъ злапа,
 Красою собшвенной богаша
 Явилася жена ;
 Въ очахъ пѣвца подъ пальмой спала,
 Умильный взглядъ къ нему кидала,
 Вія изъ миршъ вѣнокъ.
 Звукъ лиры подъ рукой вдругъ началъ измѣ-
 няться ,
 То медлишь, шо сливаться ;
 Пѣвецъ спалъ тише пѣшь и наконецъ умолкъ.
 Пришелица простерла руки ,
 И миршовый вѣнокъ за сельскихъ пѣсней звуки

Едва свила,
Ему съ улыбкой подала ;
Всѣ дѣвы въ шопъ же мигъ во длани заплескали.

Гдѣ я ?
Отъ изумленія къ восторгу преходя ,
Спросила я у шѣхъ, кошоры шупъ спояли ?
„На Званкѣ ты —“ опвѣшты раздались !
Поспой, мечта! продлись!
Хопъ часъ одинъ!... но ахъ! сокрылося видѣнье,
Осшая въ скуку мнѣ одно уединенье.

Т Р И Д Р У Г А.

Т Р И Д Р У Г А.

А. А. Л ой, урожденной Буниной.

Три сплещшись павилики,
Пересаженные въ безвѣстный садъ и дикій,
На произволь судьбы одной
Цвѣли безъ тѣни, безъ защиты,
Для бурь и непогодъ открыты,
Щипя другъ друга лишь собой.
Ихъ дикою красой
Усталый пупникъ любовался;
По часѣ странствія сей пупникъ возвращался,
И тройственный цвѣшокъ, кошорымъ онъ
Прельщался
Благоухалъ одинъ, обвивши крѣпкій вязъ:
Два буря унесла изъ глазъ!

✱

Пальмира! гдѣ твои подруги нѣжны?
О! сколь земныя блага ненадежны!

* * *

Подъ кровлею одной
Три друга вмѣстѣ процвѣпали,
Однѣ желанія пипали,
Одною правились душой,
Одними видѣли очами,
Одинъ всѣ при избрали пупъ;
Сцѣпясь надежными руками
Въ одной пѣни любили опдохнуть,
И Небо съ благоспѣемъ на сей союзъ взирало!

Вдругъ наглый заревѣлъ Борей, —
 Ни крови, ни друзей не спало :
 Едину смерть взяла, — другую Гиминей ,
 А прерпью Музы
 Такъ , сладкіе разшоргнувъ узы,
 Подверглась каждая судьбѣ своей !

*

Почто я не шебѣ завидую, — но ей!

БРАТУ МОЕМУ.

Скажи мнѣ, милый Джонъ, кто далъ тебѣ
искусство

Всегда равно щасливый бытъ,
Одно и тоже чувство

И въ ясный день и въ облачный хранишь?
Какъ сдѣлалъ ты союзъ и дружбу съ Про-
видѣнемъ?

Слѣпыми ли случаемъ, или хитростью, умѣнь-
емъ?

Природа ничего намъ даромъ не даетъ,
И пошлину на все пройную налагаетъ,
Беретъ, какъ ростовщикъ, за все большой
процентъ;

Кого душою надѣляетъ,
Велишь тѣмъ слезы лишь, спрадась,
Любить чувствительность, и вмѣстѣ про-
клиная.

Съ побою жъ у нее совсѣмъ не шѣ разочты,
Ты душу получилъ исполненну доброшы ;

А щаспливъ и блажишь судьбу свою!
Всегдашакъ весель, живъ, какъ ппашечка на волѣ!

Но что я говорю ?

Одну ли душу ? болѣ.

Едва лишь только ты помыслишь что скажешь,
Ихъ съ каждымъ словомъ двѣ мгновенно вы-
лепають ;

Одна спѣшишь въ глазахъ свой вѣчный тронъ
заняшь ,

Другая на усахъ , и обѣ вдругъ сіяють ;

А претію еще передаешь рукамъ ,

Когда касаяся спрунамъ ,

Перстами гибкими акорды пробѣгаешь ,

Согласны тоны извлекаешь ,

Какъ мощный чародѣй

Даешь имъ жизнь, языкъ; дивлюсь судьбѣ швоей!

Чувствивительнымъ съ одной душой накладно ;

А ты съ шремя живешь

Безъ ссоръ , раздоровъ , ладно ,

И слезъ не льешь !

Г Р А Ф У К У Т А Й С О В У,

на сочиненные или въ мой Альбомъ стихи.

Тебѣ ль, любимецъ Музъ щасливый,
Въ комъ разумъ соединенъ игривый
Со множествомъ даровъ иныхъ, —
Тебѣ ль чуждаться ихъ!

Ты поле рашное мнѣ спавишь, какъ препону;
Дай волю склонности равно въ себѣ другой, —
И два безсмертья предъ тобой:
Одно за Музъ, — другое за Беллону.

Къ П. М. Т ..ой, на ужинъ А. С. Ш. ва
23-го Генваря 1815 года.

КЪ П. М. Т... ой, на ужинъ А. С. Ш...ва
23-го Генваря 1815 года.

Посланья опъ меня Т...ая шы желаетъ!
Послашь не мудрено,
Сама шы это знаешь!
На то господство намъ дано,
А людямъ нашимъ ноги,
Чтобъ мы, безъ всякихъ нуждъ, имѣли нуждъ
содомъ;
Они, съ записками носясь изъ дома въ домъ
Шагами мѣряли дороги,
И часто въ грамоткѣ и на словахъ
Посольство отправляли вздорно;
Что выгоды шебѣ въ моихъ послахъ?
Но ахъ!
Ты пребуешь упорно!
Изволь! посланье у дверей, —
Читай его скорѣй.

Пою вчерашній я Ш.... выхъ ужинъ барскій,
 Пашпетъ и *soupe aux oeufs*,—и крешы и желе,—
 Пулярокъ, рябчиковъ и окорокъ Вестфальскій,
 И пѣну сливочну, изъ коей на сполѣ
 Венеры чудилось мнѣ дивное рожденъе,—
 И родъ чешуйчатой въ пернашыхъ прехо-
 жденъе *)

И грани сахарны, паящія плоды;
 Сюрпризы, сдѣланны хозяйшкой изъ слюды,
 И въ чашахъ виноградъ,—и многисладки блюды,
 Кухмистра Л ной шруды,
 Которы пакъ швоя любезная сесприца,
 Постившая въ пяпокъ, для спасенья души,
 И прочи, безъ поста, присушествующи лица
 Нашли что хороши!

*

Пою въ спихахъ проспыхъ и вольныхъ
 Трехъ Грацій я,
 Ошую у меня сосѣдушекъ заспольныхъ,
 Различныхъ нравами, какъ ночь опъ дня,
 Но сердца доброшой похожихъ другъ на друга.
 О! ты, всегдашня ихъ подруга,—

*) Пшцы, фаршированны рыбами.

На помощь, Муза, поспѣши !
 Ихъ разны свойства опиши !
 Твоимъ взлѣлѣяны онѣ надзоромъ,—
 Ты оспрымъ взоромъ,
 Читаешь пайны ихъ сердца ;
 Подай мнѣ вѣрный свой рѣзецъ !
 Чтوبъ лесъ мнѣ не была уликой,
 Въ природѣ я простой подобье почерпну;
 Фіалкой назову одну,
 Вторую павиликой,—
 Нарцисомъ претію; о, Муза! довершай!

Подобья одного мнѣ не достало!
 Другое къ нимъ подвинь зеркало,
 И въ образъ живомъ ихъ дай!

Хочу швоей рукой правдивой и отважной
 Цинтію скромною явишь,
 На брегъ душистый посадишь,
 Въ задумчивости важной.
 Вокругъ ночная тишина;
 Зажженны въ небесахъ свѣтила;
 Гонящая одну другой волна;
 Таинственна природы сила
 Окреситъ въ согласіи видна!
 Цинтія важная одна:

Власы разбросаны небрежно ;
Взоръ тихій устремленъ на бьющи волны въ
камень:

Въ немъ видны скромный пламень ,
И сердце нѣжно.

Стой зеркало волшебно ! стой !
Цинтіи не похитъ опъ взора !
О ! вѣрь Цинтія , — вѣрь ! я не боюсь укора !
Душа моя полна побой !

*

Что вижу въ зеркалѣ ? игрива Флора
Порхаетъ легкою спопой
По холмамъ изпещреннымъ,
Съ вѣнкомъ въ власы вплепленнымъ:
Какъ вихрь скоро !
Нѣтъ ! вихри упреждаетъ !
Вошъ здѣсь она ... нѣтъ шамъ уже лепаетъ !
Ей холмъ, — гора
Покапы, — косогоры ,
Стопы не препинаютъ скоры !
Вокругъ ея цвѣшы ,
Природы красопы ,
И яркій день сіяетъ !
Изъ устъ веселье излепаетъ !

О, зеркало! правдиво ты!

*

Но кто сія?—чье вновь лице мнѣ зримо?
То Душинька, любовь боговъ! Она!
Стой, стой зеркало недвижимо!
Карпина зримая полна!

ПРИЗЫВАНІЕ МАЛЬВИНЫ

изъ Брайтона въ Батъ.

ПРИЗЫВАНІЕ МАЛЬВИНЫ

изъ Брайтона въ Батъ,

или

*съ приморскаго берега въ загородный долиѣ. *)*

Въ концѣ Марша, 1815-го года.

Приди ко мнѣ Мальвина,
Весельемъ улади,
Приди ко мнѣ, приди!
Мнѣ мысль о томъ едина
Восторга есть причина;
Приди ко мнѣ Мальвина,
Приди ко мнѣ, приди!

Когда подъ пѣною клубясь морскія волны,
Изъ хляби хлынувши, о хладны бреги бьютъ,
Ревущи, брызжущи, и сами хлада полны,

*) Графиня Марья Васильевна Бальманъ, урожд. Нарышкиной.

Нептуна съ чадами что дѣлаешь пыи пущь?
 Тебѣ ль поварищи, о! сладкая Мальвина!
 Бѣгуща моря вой и спонь, и шумъ, и ревъ,
 Навислыя скалы, бездонная пучина,
 Дымящихся зыбей разверсый алчно зевъ,
 Спадачудовищъ вѣннихъ споногихъ и спорогихъ,
 Съ одной упробою, безглавыхъ, безъ очей,
 Безъ жабръ и съ жабрами, и прочихъ многихъ,
 Подъ черепомъ, въ корѣ, лиспками, съ чешуей,
 Которыхъ самъ Творецъ опъ зримой всей
 природы

Чудесно опдѣлилъ лишивый гласа ихъ:
 Ужель безгласны тѣ и спрашныя уроды,
 Мальвина! не спрашапъ очей твоихъ?
 При помыслѣ о нихъ я съ ужаса нѣмѣю,
 И мразъ ревущихъ волнъ по жиламъ пробѣжалъ!
 Какъ мершвая скала, равна я чувствомъ съ нею!

Вошь буря възсѣаетъ! смошри, какъ гонипъ
 валь!

Пропяжна шо гора! дышипъ! бѣжипъ! и спо-
 нешъ!

Разсѣлася! о! спрахъ! пожрешъ, пожрешъ меня!
 Какой просшранный зевъ! въ немъ цѣлый
 градъ упонешъ!

Боюсь Мальвина,я!—вошь идешь вспяпъспеня!

Опѣ злобы вся она покрылась синевою!
 Яришся и дрожишъ опѣ злобы вся она!
 Вотъ новая гора! въ борьбу вспунила съ пою!
 Еще сильнѣе пой,—возстала, какъ спѣна;
 Прикрыла смежну зыбь своимъ гигантскимъ
 спаномъ!

Безшрепетный пловецъ, чпо жизнь въ ничпо
 вмѣня,

Нахально спорился прикрашы съ Океаномъ,
 Теперь теряя духъ робѣеть такъ какъ я!
 Ему мечпаются осиротѣвши чада,
 Супруга во вдовствѣ, и смершная коса!
 Онъ видипъ золопо, но нѣтъ алчы!—„не нада!
 „Не нада! говоришь, когда закрою очеса,
 „Почто мнѣ золопо? на чпо корысть? спя,
 жанье?

„Не дастъ мнѣ живоша! о дѣпи! о жена!“—
 Тупъ плачетъ и шворитъ пригробно покаянье.
 Ужель, Мальвина, шы смѣлѣе всѣхъ одна?

Приди ко мнѣ Мальвина,
 Весельемъ улади!
 Приди ко мнѣ, приди!
 Мнѣ мысль о томъ едина.
 Воспорга есть причина:

Приди ко мнѣ, Мальвина,
Приди ко мнѣ приди!

* * *

Какъ все вокругъ меня спокойно!
Умильно, тихо, чинно, стройно!
Ни пвой Непшунъ, свирѣпсва полнъ
Съ презубцемъ по морю не скачешъ,
Ни кормчій съ ужаса не плачешъ,
Ни рева нѣшъ бѣгущихъ волнъ;
Ни каменны скалы нагія,
Челомъ висящи надъ водой,
Духъ робкій не смущающъ мой:
Здѣсь чада еспесива благія.
Здѣсь Небо не рождаетъ золь!

Въ безмолвіи проспершый долъ,
Лежишь у ногъ моихъ содружно;
Къ орапаю ласкаясь самъ,
Въ возмездіе его прудамъ,
Гоповишь принесли что нужно.
Уже, его роскошна дань,
Согрѣвшись яркими лучами,
Блещишь, какъ хипросшная шкань,
Разспланна по землѣ шѣнями.

Прозрачный и спокойный шокъ,
 Идущій съ полдня на воспокъ,
 Долину разсѣкаешь дважды;
 Надъ нимъ шополы въ два ряда;
 Къ нему спекающся спада,
 И кони борзые опъ жажды;
 Въ него крушой глядишся брегъ
 И гордые окресны дома;
 Въ немъ свой являющъ скорый бѣгъ
 По небу облака несомы.

Вошъ цѣпью пянешя народъ!
 Другой въ семъ шокъ вижу ходъ!
 Въ немъ вижу опдаленны роци;
 Съ звѣздами чиспа швердъ видна,
 И кажешся глядишъ со дна!
 Вошъ, вдругъ, въ него Царица ночи
 Успава свой веселый ликъ,
 Сполны сребриспы въ зыбяхъ пишешъ.
 О! какъ онъ крадешся! приникъ!
 Чуть шепчешъ спруйкою,—чуть дышетъ!

За нимъ, хребтомъ держаща лѣсъ.
 Гора возспала до небесъ!
 Вкругъ пажить облежитъ богана,
 И зданій непрерывныхъ нить,

Гдѣ солнце сходишь опочишь.
 Оно съ возхода, до заката ;
 Въ смиренный уголь мой
 Сквозь чистыя при стекла сквозишься :
 О! какъ бы хорошо съ тобой
 Могли мы въ семь углу ужитись !

* * *

Приди ко мнѣ Мальвина,
 Весельемъ улади,
 Приди ко мнѣ, приди !
 Мнѣ мысль о томъ едина,
 Восторга есть причина ;
 Приди ко мнѣ Мальвина,
 Приди ко мнѣ, приди !

Когда жъ согрѣвшими весна ушами
 На насъ дохнеть съ тобой,
 И Флора рѣзвою стопой,
 Спрыгнеть къ намъ съ свѣжими цвѣтами,
 Тогда,—въ минуны шѣ,
 Забывши тяжесть лѣтъ, лежащихъ на хребтѣ,
 Какъ Нимфа легкая, молодая,
 Скакашь я спану по холмамъ,

Себя сама увеселяя :

О ! сколько бы забавъ открылось намъ !

*

Крылатые ль пѣвцы, склоненну солнцу сущу ,
Гимнъ хвалный воспоюшъ на звонкихъ голосахъ
И спарець вѣковъ, оспавя мрачну кущу ,

Дрожа на коспыляхъ ,

Согбенный и коснѣлый ,

Вперипъ свой взоръ шуснѣлый

Въ благія небеса ,

Воздасть закашу поклоненье :

Я съ ними раздѣлю воспоорга ощущенье.

*

Какъ нивы знойныя, что свѣжая роса ,

Живипъ низпадши жизнью новой ,

Бодрась, и зеленѣя шушъ ,

По каплѣ жадно росу пьюшъ ;

Такъ я,—и слухъ мой къ слушанью гошовой ,

И зрѣнье успряма, природѣ бывъ вѣрна,

Упьюсь весельемъ умиленнымъ ,

Испивъ всѣ радости до дна !

Иль дню и солнцу удаленнымъ
 Поступишь важна ночь на Батскій небосклонъ,
 Со скипетромъ, имущимъ сонъ :
 Угаснушь по домамъ свѣшочи воспаленны ,
 На спогнахъ спукъ и громъ умолкнушь и за-
 снушь ,

И юноши, на гульбищахъ сведенны,
 И дѣши шумные ко сну сойдутъ,
 И небо въ маншію сквозящу облечется,
 И вѣпръ вздремашь уляжешься на холмъ,
 И воды замолчатъ обьящы сномъ,
 И въ воздухъ опъ справъ куренье разольется,
 И свѣшлая луна взойдетъ на небеса ,
 И опъ ея лучей дрожащихъ
 Освѣшишься вдругъ вся прибрежная краса
 Долинъ пригорковъ, горъ, лѣсовъ во снѣ ле-
 жащихъ ,

И взоръ ея прояснишь свѣшлѣй
 (Ей нравишься сія краса нѣмая),
 И сладкой соловей,
 Въ восторгахъ шая ,
 На гибкой опрасли, въ лиспахъ укромно скрышь.
 Пѣснь звонку прогремишь:
 То нѣги полнь помишься и смолкаешь....
 Томишься вновь.. мню: умерь онъ ;
 Но онъ восторга полнь,

Гремишь и дробью рощи оглашаетъ :

И прескъ, и свисшь, и гуль по роцамъ про-
летаешъ,

Съ долины въ долъ, съ холма на холмъ!—

Тогда (молчи! не сказывай о помъ),

Я къ голосу его приспану,

Отважно съ нимъ перекликашься спану.

Приди ко мнѣ Мальвина,

Весельемъ улади,

Приди ко мнѣ, приди!

Мнѣ мысль о помъ едина

Восторга есть причина;

Приди ко мнѣ, Мальвина,

Приди ко мнѣ, приди!

В. И. Б. ой въ Альбомъ.

В. И. Б. ой въ Альбомъ.

За что люблю тебя! не знаю!

Однако,—лучшебъ знать!

Не спорю, люди есть, (я часпо ихъ встрѣчаю),

Что хваляшъ и браняшъ, и рубяшъ, и сѣкушъ,

И любяшъ за не знаю,—

И опъ не знаю врушъ.

По недосугамъ шакъ они себя ведушъ;

Имъ вещи нѣкогда одумывашъ на волѣ:

Ихъ уши, ихъ языкъ, въ работѣ всякой часъ!

Не то со мной,—одна я болѣ,—

Лишь только изрѣдка лешаю на Парнасъ,

И время у меня свободного премного.

Итакъ, опъ праздности, хочу приняшъся спрого

Любовь мою къ тебѣ цѣнишъ и раздробляшъ;

Когдажъ неправильна,—изгнашъ.

О всемъ правдивое сужденье,

И нѣжный вкусъ,

Тебѣ послало Провидѣнье!

Вопъ узелъ шѣхъ незримыхъ узъ,
 Кошорыми къ себѣ меня ты прикрѣпила!
 О! вкуса нѣжнаго неборима сила!

Какъ вѣрные вѣсы,
 Ты вѣсишь почто имъ сокрышыя красы,
 Погрѣшность, слабости, ошибки и обмолвки,
 Нескладны вымыслы, нескладныя уловки,
 И словомъ,--сей твоей вкусъ, есть зеркало вещей!

Но къ пользѣ ль онъ моей?

О, нѣтъ! на гибель ей!

Малѣйшу безпоща мой ты Музы видишь;

Хотя хулой и не обидишь,

Однако ей во вредъ,

Щипаешь бредъ за бредъ:

Пущь былъ бы шонкій вкусъ твой нѣсколь-
 ко попоуще!

Захочешся свиспаться мнѣ соловьемъ по роцѣ,--

Иль громомъ погремѣшь, иль прожужжаешь
 пчелой;

Ты говоришь: свищи, греми, жужжи и пой;

Но только лишь бери съ природы сколки:

Не ври,

Иль ротъ запри!

Признайся, не по мнѣ шакіе шолки.

*

Примѣрная ты мать!
 Какъ солнышку цвѣпочки ради,
 Такъ дѣточки твои шебѣ:
 Прильнушъ,—и прочь ни пади!
 О балахъ, о гульбѣ,—
 О всемъ забыли!
 Съ шобой обнявшись готовы были
 Весь вѣкъ сидѣшь,
 Прожить и умереть.

Какъ лѣтне солнышко цвѣпочки нѣжишъ въ
 полѣ;

Падешъ ли вредная роса на нихъ,—
 Оно потчасъ осушишъ ихъ;
 Борея ль злобнаго по волѣ
 Незапно испытуюшъ хладъ,—
 Оно къ нимъ пламенной кидаетъ взглядъ;
 Такъ ты. нѣшъ, нѣшъ! ты болѣ!
 И солнышко для дѣлъ, иль прихотей,
 На нѣсколько вдругъ дней
 Скрывается за тучи;
 Иль грѣя въ Ливіи пески сыпучи,
 Бросаетъ нѣжные цвѣшъ
 Бореямъ хладнымъ на забаву;

А ты,

Веселье, щастіе и славу
 Находишь въ помѣ свои,
 Чѣмъ дѣши вокругъ тебя пивои!
 Чѣмъ ты ихъ нужды предваряешь;
 Сама и учишь и питаешь.
 Какъ съ вещью неразлучна тѣнь;
 Такъ съ ними ты и ночь и день!
 Заплакалъ тамъ одинъ,—бѣжишь его утѣшишь,
 Опъ шалости опвестъ,—при немочахъ понѣ-
 жишь;

Другой блажишь и хмуришь взоръ,—
 Ты съ нимъ вступаешь въ разговоръ;
 У шрешей тамъ шипье неладно,
 Иль чѣмъ-то пишепся нескладно,
 Иль музыка не по поепъ:
 Ты все, какъ должно ей покажешь.
 Безъ шума, безъ садома скажешь,
 И все своимъ чредомъ пойдепъ!
Мадаловъ, и мусьевъ тебѣ не надо,—

Сама за ними рада
 Ты нянькою ходишь!
 Ну какъ тебя мнѣ не любишь,
 За качества шoliko славны!

Но ахъ! вишь я тебѣ не дочь!
 По прежнему шочь въ шочь

Покои у меня частенько хладны
 И ты не мыслишь ихъ попипть, —
 Ни хлѣба во щи мнѣ крошишь, —
 Ни обуви на мнѣ, ни плащя не осмошришь;
 По снѣгу я хожу забывшись безъ сапогъ;
 А ты моихъ не грѣешь ногъ!
 Заплачуль я когда, — съ плапчкомъ ты не хо-
 дишь,
 Чпобъ слезки опереть съ лица!
 Ни прялокъ мнѣ, ни игль не предлагаешь въ
 руки
 Ни съ азбукой ко мнѣ не щлешь чпеца!
 А азъ, и буки,
 И всѣ посильныя науки
 Училась я сама собой;
 Такъ чпо же въ нѣжності мнѣ той,
 Котора для дѣшей въ швоемъ блиспаешъ
 взглядъ:
 Нѣжна ты къ нимъ, иль нѣптъ, — я право не
 въ накладъ!

*

За разумъ, — разумъ швой шебя люблю,
 И сладкую бесѣду!
 Съ госпями ли къ тебѣ пріѣду я къ обѣду,
 Иль часъ, которой дома сплю,

*

Тебѣ по дружбѣ посвящаю,
 Упѣхи равныя встрѣчаю!
 Въ шуму,—на единѣ,—
 Всегда съ побой пріятно мнѣ!
 И можноль быть иначе!
 Ты знаешь все, и какъ, и гдѣ
 Прилично поступать тебѣ!
 Не спанешь хохоташъ при общемъ плачѣ,—
 Ни хныкашъ, ни спонаншъ
 Когда сберущся всѣ плясашъ;
 Ни знаніемъ блисташъ,—
 Ни въ проповѣдники вступити не кшатшъ,—
 Ни время быстрого къ ушрашъ
 Ошъ ушра до ночи, не запирая рта
 Чишашъ грядскія вѣспи:
 Привычка у тебя не ша!
 Чуждаясь гордоспи и леспи,
 По силамъ каждаго найдешь ны разговоръ,
 И словъ пусныхъ наборъ
 Тебѣ совсѣмъ не нуженъ!
 Языкѣ твоей всякой часъ съ разсудкомъ друженъ.
 И шакъ, люблю тебя за умъ!
 Нѣшъ, нѣшъ! полезнѣе пустой мнѣ шумъ!
 Подъ шопъ шумокъ лишь знай у мѣста по-
 клонишся

Надъ ближнимъ къ мѣсту подшушипъ,—
 Со вкусомъ наряженной бышь,
 Въ разумники легко добилсяя.
 Скажи, какой найду въ швоемъ умѣ я прокъ!
 Мнѣ пользы опъ него ей, ей ни на пылинку!
 Пожалуй опустишь ты въ дюженный умокъ,
 Не только выроню слезинку;
 Но рада буду всей душой
 Премѣнѣ я такой!

*

Любовь къ тебѣ питаю нѣжну
 Не за красу ума!
 Не дѣтску нянюшку люблю въ тебѣ надежну!
 Не понкій вкусъ! но чпожъ? не вѣдаю сама!
 Пожди не множко. угадала!
 Ты ласкою меня своею привязала.

Въ Альбомъ 13-^{ти} лѣтней моей племян-
ницѣ.

Въ замѣну словъ моихъ Альбомъ сей оставляю;
Прошу тебя и заклинаю,
Всему предпочиташь добро!

*

Ни злато, ни серебро
Намъ счастья не дадутъ сердечна!
Добро одно
На жизнь, котора скоротечна
Цѣлѣбный бальзамъ льешь,—
Въ бѣдахъ и горести опраду подаешь,—
При славѣ и чesпяхъ надмѣнность умѣряешь:
Оно и къ Небу приближаетъ,
И жизнь земную веселишь!

*

Для ближнихъ кто добра по сердцу не шворишь,
Тотъ въ мѣръ есть мершвецъ непогребенный!

Онъ щастья не вкушалъ !

На вышю спепень бывъ взнесенный :

Онъ бѣденъ, жалокъ, малъ !

•

ЕИ же.

Еще простой подамъ тебѣ урокъ :
Ты женщина,—учись быть съ юности покорна,
Въ желаньяхъ неупорна,
Упорство женщинѣ порокъ,—
Упорство ей къ напаси !
Надъ нами всюду власти ;
Всегда мы подъ рукой :
Что шагъ,—нужна опора,
И помощь, и покой !
Безъ крова, безъ надзора,
Какъ роза безъ росы,
Мы въ крашки оплывшемъ часы !

*

Не будь смѣла, самонадежна ;
Ошибка смѣлымъ неизбежна !

Храни душевну чистоту

И нравовъ просвѣту :

Изящное когда бываетъ многосложно ?

Противно сердцу все, что ложно !

*

Не будь сварлива и вздорна !

Смиреньемъ женщина красна ,

Смиреньемъ учена ,

Смиреньемъ возделѣнна !

*

Желаешь ли ты быть почтенна ;

Спайся спайся укротить !

Наружна красоша поблекнетъ скоропечно !

За прелести лица насъ могутъ часъ любить ;

За прелести души насъ любяшъ вѣчно !

Въ Альбомъ 10-^{ти} лѣтнему Мар. нову.

Люблю я въ Сашинькѣ простые нравы,—
Невинность дѣшскую, незлобныя забавы,
Стыдливый нравъ,
Прыжки и побѣгушки,
И шалость самую,—и самыя игрушки!

Люблю смотреѣшь, какъ онъ ошѣ книгъ уславъ,
Вдругъ рядишся въ шишакъ и лапы,
Иль въ мышлешучую,—иль въ волка, иль въ ягѹ,
Иль роги привязавъ, какъ козлики рогашы,
Бодаешъ вспрѣчныхъ на бѣгу!

Люблю я все въ немъ безъ оспашку!
Но болѣе люблю надежду сладку,
Чшѣ онъ, едва душой успѣешъ возмужать,
Въ себѣ намъ обновишъ опца и мать!

Въ Альбомъ К. Д. Вл. вой.

Полинъ чшобы мнѣ въ Альбомъ написашъ?
Скажуль: она умна, добра, веселонравна,
Малюшкѣ дочери нѣжнѣйша машь?
Всякъ знаешъ шо издавна.
Прибавлю ли: она пріятнаго лица:
Такія новоспи, лишъ нужны для слѣпца!

Въ Альбомъ Писареву-Иванчину 1819 года.

Ведомый Геніємъ къ потоку Ипокрены

Иди съ безпечносью пропой своей

И терновъ не робѣй!

Тебя не прикоснуся терны!

Природа имъ въ удѣлъ назначила мѣста,

Которы Фебова не грѣшъ теплоша.

Н А Д П И С И.

НАДПИСИ

на враша, воздвигнушы въ 1814 году,
для вшествія АЛЕКСАНДРА побѣдоно-
снаго.

1.

Не гордымъ именемъ Колосса,
Усердемъ знаменишь сей прудъ!
Къ безсмертію ТЕБЯ сведушь
Дѣла Твои и щастье Росса.

2.

Не памятникъ ТЕБѢ воздвигнушь;
Но дань сердець принесешь спѣшимъ!
Созданное рукою плѣнно;
Безсмертенъ будешь ты въ дѣлахъ.

Хошябъ пирамиды воздвигли мы изъ злапа,
И шѣ, подсѣклись бы равно,
Рукою времени крылаша ;
Лишь славы швоея не повредишь оно !

КЪ ПОРТРЕТАМЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ АЙЮ. *)

Здѣсь брашье въ двухъ Айю стояшь изо-
браженья ;
Природа брашскій въ нихъ ведя дарамъ раздѣль,
Дала имъ сходныя способности въ удѣль ,
И сходныя нашла въ семь мірѣ назначенья ;
Одинъ для зоркихъ глазъ съ предметовъ шускъ
снималъ ,
Другой слѣпцамъ глаза въ ихъ персты за-
ключалъ.

*) Г. Айю , славный Еспешвомспышашель , живущій въ Парижѣ , издалъ превосходный Физическій курсъ. Брашъ его Профессоръ Айю находишся въ Пешербургѣ при заведенномъ въ пользу Слѣпыхъ Инспишуншѣ. Онъ обучаетъ сихъ несчастныхъ не только работамъ, музыкѣ, но читашъ, писашъ, и разбирашъ Географическія карты.

НА ИСТУКАНЪ ОРФЕЯ.

О! сколь гармоніи чудесна сила!
Здѣсь левъ смирясь къ ногамъ твоимъ упалъ;
Тамъ ада спражь блюсть входы забывалъ,
И жершву смерть свою обратно возвратила.

И. А. К Р Ы Л О В У,

читавшему *паденіе Фаетона* въ Бесѣдѣ
Любителей Рускаго слова.

Читая баснь паденья знамениша,
Улыбкой оживилъ ты лица всѣхъ госпей,
И честь того прешла къ спранѣ пиша.
Во мзду заслуги сей
Я лавры сжатые побою
Себѣ надмѣнно не присвою.
Когдабъ не ты ее читалъ,
Бышь можешь Фаефонъ вторично бы упалъ.

МЕРЗЛЯКОВУ,

На переводъ Танкреда.

Пой сельскую любовь искусный Мерзляковъ!
Въ рукахъ Лавиніи вѣнокъ тебѣ готовъ!
Нѣтъ, стой! кровавую намъ брань воспой
Танкреда,
Къ тебѣ съ меча его спѣшитъ слезѣшь побѣда:

Р А З Г О В О Р Ы.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ АПОЛЛОНОМЪ И МУЗОЮ БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

А П О Л Л О Н Ъ.

Что ты, Муза, безсловесна?
Я за лѣносшь накажу,
И въ паланшѣ опкажу:
Ты лишь пѣснями прелестна;
Дай мнѣ лиру, или пой!

МУЗА БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

Слабъ опъ глада голосъ мой!
Нѣшъ Амброзіи небесной;
Нѣшъ хламиды на плечахъ;
Хладъ объялъ меня шѣлесной!
Мерзнушъ пѣсни на успахъ!
Персшы гибкость всю теряюшъ!
Тщешно въ замки прихожу,
Крова въ нихъ не нахожу,

Съ бѣлыхъ крылецъ меня гоняющъ.
 Злапо нужно на банкешъ;
 Злапо нужно и въ боспонѣ,
 Музы у вельможъ не въ шонѣ,
 Имъ до нихъ и дѣла нѣтъ!
 Гдѣ мнѣ пища? Гдѣ одежда?

АПОЛЛОНЪ.

Замолчи! — О спыдъ! позоръ!
 Муза ты,—и ты невѣжда!
 Нужно ль изъ двора во дворъ
 За Амброзіей скипашься?
 Иль во прахѣ пресмыкашся
 Муза можетъ безъ спыда,
 Пыль смешая съ барскихъ крылецъ?
 Вамъ покровъ здѣсь мой любимецъ.

МУЗА БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

Кто? Державинъ? *)

*) Его Превос. Гавріиль Романовичъ Державинъ оказалъ въ моемъ присушствіи немаловажное пособіе одному бѣдному стихотворцу, что самое было поводомъ къ начерпанію слѣдующаго разговора.

АПОЛЛОНЪ.

Да, да, да!

Онъ Амброзіей пишаешъ,
Онъ хламидой согрѣваешъ:
Такъ издавна онъ живаль.

*

Аполлонъ и не солгалъ.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ МНОЮ И ЖЕНЩИНАМИ.

ЖЕНЩИНЫ.

Сесприца душинька! какая радость намъ!
Ты спихотворица! на оды, припчи, сказки,
Различны у тебя гошovy краски,
И вѣрно ближе ты по седрцу къ похвалямъ.
Мущины жъ милая Ахъ, Боже упаси!

Языкъ,—какъ острый ножъ!
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ,—не только на Руси,—
Вездѣ равны! Заладятъ тожъ, да пожъ:
Однѣ ругашельсхва,—и все спрадають дамы!
Ждемъ мадригаловъ мы,—чишаемъ эпиграмы.
Ошъ брашцевъ, муженьковъ, ошъ бапюшковъ,
сынковъ

Не жди похвальныхъ словъ.
Давно хошѣлось намъ своей пѣвицы!
Поешь ли ты? скажи иль да, иль нѣтъ.

Я.

Да, да, голубушки сесприцы!
Хвала Всевышнему! ною уже пять лѣтъ.

Ж Е Н Щ И Н Ы.

А что пропѣла ты въ шѣ годы?
 Признайся Рускому не всѣ мы учены;
 А Рускія писанья мудрены;
 Да правда, иѣшь на нихъ шеперь и моды.

Я.

Пою природы я красы;
 Рогами мѣсяцъ въ воду спавлю;
 Счисляю капельки росы;
 Восходъ свѣшила славлю;
 Лѣлѣю паства по лугамъ;
 Даю свирѣли паспушкамъ;
 Подругамъ ихъ цвѣты вплешаю въ косы,
 Какъ лень свѣшловолосы:
 Велю, схватясь рука съ рукой
 Бѣжать на пляску имъ съ прыжками;
 И рѣзвыми ногами,
 Не смяшь чшобъ правки ни одной!
 Вздвигаю до небесъ скалы кремнисты;
 Сажаю деревья вѣшвисны,
 Чшобъ спарца, въ жарки дни,
 Покоить въ ихъ шѣни.
 Ловлю по розамъ мопыльковъ крылапыхъ:
 Созвавъ пѣвцовъ пернапыхъ
 Сама помлюся я

Въ согласной трели соловья.
 Иль вдругъ, конямъ раскинувъ гриву,
 Велю воспочный вѣпръ пересшигашъ,
 До облакъ прахъ копытами взмешашъ.
 Рисую класами вѣчанну ниву,

Что видъ опъ солнечныхъ лучей

Пріавъ морей,

Изъ злата распонленныхъ

Колышется, рябишь, блещишь,

Глаза слѣпишь,

Готовясь наградить орашаевъ смиренныхъ.

Природы красошой

Гласъ робкій укрѣпляя мой

Вдругъ дѣлаюсь смѣлѣя!—

Ж Е Н Щ И Н Ы.

Эге! какая ахинея!

Да слова мы про насъ не видимъ шупъ

Что пользы пѣсни намъ такія принесушь?

На что твоихъ скоповъ, комолыхъ и съ рогами?

Не намъ ходишь на пасиву за стадами

И такъ, пѣвица ты звѣрей!

Изрядно! но когда на шу спувила ногу, —

Иди въ берлогу,

Скипайся средь полей,

И всеу не нягчи столицы.

Я.

Нѣтъ милыя сестрицы!

Пою я также и людей.

Ж Е Н Щ И Н Ы.

Похвально! но кого и какъ ты величала?

Я.

Нерѣдко подвиги мужей я воспѣвала,

Въ кровавый чпо всупая бой,

За вѣру и царя живопъ скончали свой,

И гуломъ ратное сопряси поле,

Несла подъ лавромъ ихъ опшолѣ

Кропя слезой!

Нерѣдко же, опъ гореспи и споновъ,

Прейдя къ блюспишелямъ законовъ,

Весельемъ полня духъ,

Подъ ихъ Эгидою безпечно опдыхала!

Подчасъ къ піишамъ я вперяя слухъ

Предъ громкой лирой ихъ колѣна преклоняла.

Подчасъ,

Почтеніемъ влекома,

Я пѣла Физика, Химиспа, Аспранома.

Ж Е Н Щ И Н Ы.

И шупъ ни слова нѣтъ про насъ!

Вопъ подлинно услуга!

Такъ чшо же намъ въ шебѣ? на чшо ты намъ?

На что училась ты стихамъ?
 Тебѣ, чпобъ браться изъ своего все круга;
 А ты пусшилася хвалишь мужчинъ!
 Какъ будто похвалы ихъ споишь полъ одинъ!
 Измѣнница! сама размысли зрѣло,
 Твое ли это дѣло!
 Иль нѣтъ у нихъ хвалишелей своихъ!
 Иль добродѣтелей въ насъ меньше чѣмъ у нихъ!

Я.

Все правда, милыя! вы ихъ не ниже;
 Но ахъ!
 Мущины, а не вы присуниспвуютъ въ судахъ,
 При авторскихъ вѣнкахъ,
 И слава авторска у нихъ въ рукахъ;
 А всякой самъ къ себѣ невольно ближе. *)

*) Да проспишся мнѣ шушка сія изъ снисхожденія къ
 веселонравнымъ Музамъ, которыя любятъ мѣшашъ
 дѣло съ бездѣлемъ, ложь съ истинной, и невинною
 рѣзвостію увеселяшъ бесѣды.

РАЗГОВОРЪ
У ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕНЕМЪ.

О Б Щ Е С Т В О.

Какъ время ты могло промчаться споль
мгновенно?
Вчера ты пише шло, и пише несравненно.

ВРЕМЯ.

Крыловъ мнѣ крылья далъ,
Тогда какъ басенки шебѣ свои чишалъ.

Э П И Т А Ф І И.

Э П И Т А Ф И Я,

Нѣжно любимой супругѣ.

Что разумъ? что краса? пріятствъ совокуп-
ленье?

Прешли и болѣ нѣшь!

Едино не преидешъ

Супруга сокрушенье.

О! другъ безцѣнный мой! часъ жизни моя!

Воззри на скорбь съ побою разлученныхъ,—

Услышь ппенцовъ своихъ, еще неоперенныхъ,—

Возстань! пусть лягу я.

Е Ы Ж Е.

Восплачь и возспени сынъ щаспія со мною !

И я былъ радостьми богаты, какъ ты,—
И ты, подобно мнѣ бышь можешь сиропю !
Ни добродѣтели,—ума,—ни красоты

Смерть хладная въ женѣ сей не почпила:
Супругу, мать и дочь въ одной, увы! сразила

При самомъ цвѣтѣ юныхъ дней.

Гдѣ радости?—и гдѣ надежды міра?

Нѣтъ прочнаго для насъ въ юдоли сей!
О Боже, Боже! умудри и призри сира!

Э П И Т А Ф І Я.

М. П. О. ну опъ его супруги.

При взорахъ я твоихъ
Подобно крину процвѣшала,—
И днесъ, какъ быліе увяла,
Средь отраслей молодыхъ.

Е М У Ж Е.

Прими сей кипарись,
Мой благодѣтель, другъ, супругъ мой незаб-
венный,

И съ высоты склонись
Къ супругѣ скорбію пронзенной!
О! есшлы бы въ пошъ грозный часъ,
Когда усопшіе вдругъ являшся на гласъ,
Зовуща Ангела трубою,
Я снова на одну взошла чреду съ шобою!

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО.

Миръ праху своему,—о, другъ души моей!
Усни въ приспанищѣ! сонъ мертвыхъ без-
мяшежень!

Ахъ! что перяемъ мы въ прелесной жизни сей?
Мечту! . . . пушь къ щасью крушь, изви-
виснь, ненадежень!

Бѣжимъ за благами,—и мысля: *достигаемъ*,
Объемлемъ дымъ пусшой; но благъ не обрѣшаемъ.

Е Й Ж Е.

Такъ! нѣтъ тебя! и та, которая бли-
спала

Способносѣми ума, душой и красошой,
Какъ роза ранняя подсѣчена косой
Упала въ прахъ;—и та теперь ничто ужъ спала!
Неситесь жалобы къ престолу Бога. „стой!“
Вдругъ кропкій, тихій гласъ повѣя, какъ въ
зефирѣ,

Мнѣ въ слухъ пріятно рекъ: „почто жалѣшь о
шой ,

Копорой рокъ судилъ обрѣсть шемницу въ мірѣ?
Умолкни и взгляни, какъ тихо я лежу!
Тоска не давишь грудь, и сердце не спрадаешь:
Оковы спали съ рукъ; а другъ о мнѣ рыдаетъ!
Тужилъ ли, что себя мечтами не вяжу?

А Н Г Е Л Ъ С М Е Р Т И .

Прелестное дитя порхая споны слышитъ.
Склонилъ изъ мака скипсръ, и вдругъ все
тихо спало :

Напасшей, горесшей, какъ будто не бывало !
О, други! радуйтесь! страдалица не дышетъ.

МЫСЛЬ ПРИ ГРОВѢ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
Г Е О Р Г І Я,
Принца ГОЛШТЕЙНЪ - ОЛЬДЕНБУРСКАГО;
Благоговѣйно посвященная
СупругѢ Его ,
въ ВозѢ нынѣ почивающей ,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ,
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ
ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ.

МЫСЛЬ ПРИ ГРОВѢ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕОРГІЯ,
Принца ГОЛШТЕЙНЪ - ОЛЬДЕНБУРСКАГО.

Чей вижу одръ простертъ въ сей храминѣ
унылой?

Покомъ раздавшійся мнѣ слышанъ вопль въ ночи,
И тысячами вдругъ зажженные свѣчи
Надъ чьею днесъ горятъ изрышою могилой?

Се отрасль юная Царей!
Лоза, въ Эдемскій садъ пересажденна,
Что съ розой съвера была сплещенна!

Подуль борей
Подуль,—и нѣтъ ея увя! упала!
Съ ней роза свѣжая увяла, —
Увяла Эдемскій съ ними садъ!

Гдѣ, гдѣ рожденный сей для Деадемы?
Гдѣ онъ?—что спалось съ нимъ? въ горящемъ
сердцѣ хладъ!

О! Божески судьбы не поспижимы!

О! горькій смершнаго удѣлъ!

На шоль въ немъ жизни огонь горѣлъ?
На то ли ОНЪ спалъ милъ ЕКАТЕРИНЪ,—
Въ одну съ ЕЯ душой свою ОНЪ душу слилъ,
Чтобъ вѣкъ ЕЯ опнынѣ
Быль мраченъ и унылъ?

Чтобъ вдругъ два Ангела небесны,

Юнѣйшихъ два пшенца,

Лія попоки слезны

Взросли не подъ щипомъ опца!

На шоль, чтобъ сирые, увѣчныя, вдовицы,

Трапезу ошъ ЕГО имущія десницы

По стогнамъ и лѣсамъ скипались для куска:

Чтобъ тяжкая попка,

Какъ камень на груди лежала ихъ изсохшей,

И пушь ихъ терніемъ поросшій

ГЕОРГА имъ всякъ часъ оплакивашъ велѣлъ!

*

Таковъ здѣсь смершныхъ всѣхъ удѣлъ!

Заснешъ въ блаженной долѣ;

Проснешся сирь и нагъ!

Чтожь намъ? подклонимся Творца всемошной
волю?

Снесемъ безъ ропоша земныхъ лишенъе благъ;
Испьемъ съ покорностью изъ горькой чаши,
Кошору Промыслъ распворилъ для насъ!
Земныя блага сушь не наши!

*

Ропшанья гласъ

Сзываетъ на главу опмщенъя громы!
Самъ бранный чловѣкъ естъ въ мирѣ семъ
слепецъ,
Рукой Незримаго Отца вѣдомый!
Ужель погубить чадъ своихъ ошець?
Нѣтъ, нѣтъ! преспулна мысль сія едина!

*

Россіи честь, краса ЕКАТЕРИНА!

Не къ плачу ТЫ въ сей міръ, — не къ спону
рождена!

ТЫ Небомъ намъ дана
Скорбящихъ для оспрады!

Воззри на юные, побой рожденны чадъ,
Еще въ младенческихъ лежащи пѣленахъ,
Съ невиннымъ смѣхомъ на уссахъ:

Ужель веселось ихъ ТЫ оправишь поскою?

Ужели съ первою зарею

На нѣжный, неразцвѣтшій цвѣтъ

Палящая роса падешь?

Къ Царицѣ плачущей, проспири дочерни взоры!

Для радостей ЕЯ, для щастья и подпоры

Тоску свою умѣрь,

И сердцу матери ошдай дражайшу дочь!

Н А К О Н Ч И Н У

Графа Александра Ивановича Кушайсова,

26-го Августа, 1812 года,

въ Бородинскоиъ сраженіи убитаго.

Ужель и ты! и ты

Упалъ во смерсну мрежу!

Ужель и на швою могилу свѣжу

Печальны допустилъ мнѣ рокъ бросаешь цвѣты,

Потокомъ слезнымъ орошенны!

Увы! гдѣ блага совершенны?

Гдѣ прочны радости? ихъ нѣтъ!

*

Вошще объемлюща надежду лживу

Нѣжнѣйша мать тебя зовешъ:

Твой запершъ слухъ къ ея призыву!

Вошще, ликуя швой возвращъ

Отецъ, сесшры, и бращъ

Часть. III.

9

Заранѣ къ тебѣ простерли руки!
 Ихъ домъ ликующій спалъ нынѣ храмомъ скуки!
 Какъ свѣтлый метеоръ для нихъ
 Ты мигъ блистала лишь крапкой!
 И сонмъ друзей твоихъ,
 Алкающихъ твоей бесѣды сладкой,—
 И сонмъ ошборнѣвшихъ мужей
 Чтѣ юнаго тебя съ собой члѣ равноденнымъ
 Съ кончиною твоей
 Увяли сердцемъ сокрушеннымъ!
 Вопще и сонмъ краснѣйшихъ дѣвъ
 Успроя громкіе пимпаны,
 Ждешь въ пиршества тебя избраны:
 Не будешь ты!.. тебя похишилъ смерти зевъ!

*

Такъ жизни на зарѣ коснулся онъ закаша!

*

На мѣсто Гинса и Агаша,
 На гробъ у него съ безсмертнымъ лавромъ шлемъ
 И вопли слышны Музъ по немъ!

*

Но что героюobeliski?
Что мой несвязный стихъ?
Не будешь славенъ онъ ошъ нихъ!

*

Поверженные въ адъ враги Россійски
Твоею, Графъ! рукой
Воздвигнуть памятникъ несленный твой,
А жизнь опечесшву на жерпву принесенна,
Есть слава храбрымъ вождедѣнна!

НА СМЕРТЬ

Капитана Гвардейской Артиллеріи

Ростислава Ивановича Захарова,

*на 26 году отъ рожденія въ Бородинскомъ
дѣлѣ убитаго.*

Узря просперта на плащѣ меня

Не сътуйше родители любезны!

И мрачну горесць прогоня,

Отприше шоки слезны!

И только сладкимъ сномъ покоюся и славнымъ!

Здѣсь долгъ мой на земли я свящо чпиль!

Въ бояхъ, подѣ знаменъ рашнымъ
Враговъ опечесива безшрепешно разиль;

Въ дни мира духъ имѣлъ незлобный!

Въ сообществѣ, — усердный гражданинъ;
Въ семьѣ, — надежный братъ, покорный сынъ, —
Къ супругѣ, къ чадамъ я до двери гробной

Любовью нѣжной пламенѣль,
Днесъ къ Богу отошелъ
Пріянь за подвигъ мой награду!

*

А ты, о! юный другъ моей души!
Оставшемусь тебѣ въ опраду
Младенцу нашему внуши,
На ранню указавъ мою могилу,
Что сладко смерть вкусишь за родину намъ
милу!

Б А С Н И.

ВОЛЬ, ОСЕЛЬ и КОНЬ.

Б а с н я.

Однажды воль, осель и конь между собою
О первенствѣ вступили въ споръ.
Осель, вы скажете, по сущій вздоръ!
Уродинѣ такой, и гордостью пустою
Прилично ль мысли надувать?
Но гордость никому, по правдѣ, не подѣ спашъ,
Однако же встрѣчаемъ и межъ нами,
Что голову иной наполня пусыками,
Всѣхъ спавишь за ничто,
И даже то
Не только *сбѣлиными*,—бываетъ *сбѣ дураками*.

Ишакъ, осель спалъ ушверждашь,
Что врядъ полезнѣе его гдѣ приискашь.
Тутъ воль, сколь ни былъ пихъ, умѣренъ;
Но всѣ свои дѣла по пальцамъ разочтѣ,
Сказалъ: въ шомъ цѣлый міръ увѣренъ,

Что всѣхъ полезнѣй я.

Взмахнулъ красивый конь волнистой гривой,
И съ выпуккой манежной, горделивой

Молчише! закричалъ;

Не я ли съ воиномъ побѣды раздѣлялъ?

Не я ли былъ отъ вѣка

Всѣмъ предпочтенъ скошамъ?

Но чтобы въ пусыкахъ не спорить намъ,
То спросимъ-ше о томъ рѣшенія челоуѣка.

А челоуѣкъ какъ тушъ, и не одинъ;

Ихъ шрое въ рядъ, и всѣ различныхъ состоянй:

Цыганъ, да мѣльникъ, да поселянинъ.

Осель, безъ дальнихъ разысканй,

Кто ближе былъ, тому поклонъ:

Пожалуй разсуди: полезнѣй я, иль онъ?

О первенствѣ у насъ размолвка межъ собою.

Ты подлинно, сказалъ цыганъ,

Съ пустою головою!

Такой ли складъ коню и образъ данъ,

Какой имѣешь пы, безумная скопина?

На взглядъ онъ сушная картина;

А пользы отъ него, шакъ вдругъ и не сочтешь...

Нѣтъ, брашъ! пы врешь!

Тушъ мѣльникъ закричалъ, Ослиная порода

Полезнѣй всей

Скопины для людей.

Ну гдѣ бы съ мѣльницы намъ ждалъ дохода.

Когда бѣ ослы перевелись?

Пожалуй-сѣ оспановись,

Прервалъ поселянинъ, могу навсѣхъ послаться,

Что первенство должно быть отдано воламъ,

И чѣмъ бы намъ

Безъ нихъ пицаться?

„О! нашъ, сказалъ путь конь, напрасенъ трудъ!

„Я вижу, у людей на все своя причина,

„И ихъ приспрасненъ судъ.“

Да польза частная есть общая пружина,

Цыганъ ему въ отвѣтъ ;

Не ея ль движется издавна свѣтъ ?

ПРОХОЖІЙ и ГОСПОДСКІЙ СЛУГА.

Б а с н я.

Шель нѣкшо близъ палапъ, черезъ господ-
скій дворъ,
И видипъ, что слуга мешепъ въ помъ домѣ сѣни.
Подмель, и съ лѣспницы попомъ счищашъ
сшаль соръ ;
Но шолько принялся не съ верхней онъ спупени,
А съ той,
Кошорая воѣхъ ниже.
Чиспа спупень; слуга съ мешлой
На шу, кошорая къ смепенной ближе:
И та чиспа.
Слуга мой началъ улыбашся ;
„Безъ двухъ, безъ двухъ!—“кричипъ съ проста,
И ну за шрепью принимашся.
Подмель и шу,—еще убавилось труда:

Глядь въ низъ, неожиданая бѣда!
 Ужъ чистыхъ двухъ опяшь не видно изъ подъсора.
 „Экъ! сколько всякаго накидано здѣсь вздора!
 Слуга сквозь зубъ ворчишь! Гну спину цѣлый часъ,
 А не спорился и съ трудами!
 Какъ будшо сѣюшь на заказъ.“
 Пошелъ бѣднякъ обрашными слѣдами
 Мешеное впорично подмешашъ.
 Вотъ вподинну пылинки не видашь!
 Но только чистюша не долго та продлилась,
 И нижняя ступень
 Опяшь опъ верхней засорилась.
 Слуга спалъ въ пень;
 Успанешъ по неволѣ!
 Разъ десятъ въ низъ сошелъ, иль болѣ.

Дуракъ! дуракъ!
 Прохожій закричалъ, шупъ выдъ изъ перпѣнья,
 Да шы мешешъ не шакъ!
 Ну естѣли бы какого гдѣ правленья
 Желая плушни изпребитъ,
 Кшо началъ напередъ меншихъ пузизъ:
 Сперва бы спорожа, приврашныхъ и кописовъ;
 Пошомъ подьячій родъ, канцелярисовъ;
 Пошомъ секретарей;
 А шамъ-шо бы взялся и за судей:

То скоро ли бы онъ завелъ въ судахъ порядки?

Судью подьячимъ не уймешь;

Подьячаго хоть въ пирупъ сожжешь,

Судья по прежнему брапъ спанешъ взяпки.

ЧУГУННЫЕ и ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ.

Б а с н я.

Какой-то мѣщанинъ ведя горшками шоргъ,
И накопя ошъ нихъ изрядное имѣнье,

По силѣ, сколько могъ,

Имъ вздумалъ сдѣлать награжденье.

Собралъ послѣдушки и говоришъ:

„Мнѣ изстари вашъ родъ благошворишъ,

„Я вами сытъ, одѣтъ, доволенъ.

„За предковъ вашихъ трудъ, и въ память ихъ
заслугъ,

„Какъ истинной ихъ другъ,

„Хочу, чшобъ всякъ изъ васъ былъ воленъ.

„Вотъ двѣ дороги вамъ:

„Пойдете ль щастія искать по городамъ ;

„Сей часъ въ возы, и самъ отправлюсь съ вами;

На родинѣ ль оспанешесь межъ нами,

„Живише въ нѣгѣ, безъ прудовъ,
 „Какъ будпо бы у васъ горшковъ,
 „Хозяина и не бывало.,,—

Довольны тѣмъ горшки и спали разсуждать,
 Кому какой удѣлъ избрать. —

„Намъ жить въ глуши ни мало не приспало,—
 Чугуны въ голосъ всѣ—„желаемъ видѣшь свѣтъ!“
 А мы, сказалъ горшокъ, по слабости сложенъ,

Должны искать уединенья;
 Оспанемшесь друзья!—„нѣтъ, нѣтъ!
 Вскричалъ другой—„и мы за ними въ слѣдъ!“—

А шопъ ему въ отвѣтъ:
 Гдѣ намъ за ними угоняшься?
 Они во весь опоръ,
 Поскачутъ на горы и съ горъ!
 Угодно прогуляшься? —

Никпо не держитъ васъ;
 Сступайше лишъ однѣ, слегка и по немногу,
 Свою избравъ дорогу.

Такая ль крѣпость въ насъ!
 Ихъ милость въ сотеро плошнѣ,
 Имъ будущи вѣка вѣрнѣ,
 Чѣмъ намъ единый часъ.

Ошъ первой непріятной встрѣчи
 Мы обратимся въ прахъ!

„Хвалю твоей спирахъ“—.

Прервалъ чугуны горшковы рѣчи,—

„Но мы вамъ вѣрный щипъ !

„Вездѣ, во всѣхъ бѣдахъ укроемъ васъ собою;

„Напрыгнешь ли буянъ, мы пошчасъ къ бою,

„Изъ васъ же всякой пушъ покойно спишь!“

Горшокъ надеждою защиты убѣдился,

Къ чугунамъ въ возъ ввалился,

И въ пушъ пустился.

Извѣстно всѣмъ, что безъ труда,

Не доспигають цѣли никогда.

Не только ошвѣчать за дальнія дороги;

Но даже за одинъ не можно шагъ.

И наши пушники бѣды узнали многи !

Гдѣ вдругъ на ихъ пуши лежишь оврагъ,

Гдѣ рѣки, гдѣ мосты, гдѣ вязкіе болошы,

Гдѣ каменны оплошы ;

Горшку не въ мочь, хотя буяновъ не видашь

Сосѣди прыгають, какъ будшо бы хмѣльные ,

Иль угорѣлые, шальные ;

Кто въ бокъ его, кто въ грудь, не знаешь что
начать !

Толчки пріятельски равно какъ и враговъ

Всегда толчки,—ошъ нихъ не меньше больно !

Часть III

10

Сосѣди ради бы покой взяпъ опъ прыжковъ;

Но прыгаюшъ невольно!

Тамъ пни перескочишь; тамъ кочки:

Другъ друга полкъ и безъ вреда!

А хрупкаго горшка оспались черепочки!

*

Блаженъ кто съ равными свой жребій

сѣдинилъ!

Союзъ шопъ гибеленъ, гдѣ нѣпъ равенства силъ.

П Ъ Т У Х Ъ С Т О Р О Ж Ъ.

Б а с н я.

На то журавль, чшобъ не дремали шуки!
Когда въ овчарню волкъ зайдесть ошъ скуки;
Не волкъ въ томъ виновашъ, паспухъ!

Ученой былъ у барина пѣшухъ,
И баринъ пѣшуху сперечь велѣлъ пшеницу.
„Клюй въ доволь“—говоритъ, овесь, крупу
пшено,
„Пшеницы береги пы каждое зерно,—
„И всякую ошъ ней гони исправно пшицу.
„Услужишь мнѣ, щаспливъ; а нѣтъ: смотри!“—
Такъ спрого пригрозя,—ну какъ не быть без-
печнымъ.

Спалъ спорожъ на часы: стоитъ день, два и три;
Ни встрѣчнымъ ошъ него, не только попе-
речнымъ,

Роденькѣ пѣшухамъ,
Когтиспымъ коршунамъ, нахальнымъ воро-
бьямъ,

Смиреной голубицѣ :

Нѣшъ, словомъ, никому пощады на пшеницѣ,
 Всѣхъ носомъ клѣвъ, да клѣвъ кто къ ней ни
 подойдетъ.

Съ ползущихъ, ходящихъ, лепящихъ не смиг-
 нешь,

И самъ не трогаешь ее ни мало.

Конецъ бы потъ же былъ какое и начало;

Но жадность, корень злу всему,

Надѣвъ пріятную личину,

Сказала такъ ему :

„Пѣшухъ ! тебя совсемъ не видно господину;

„Клюнь зернышко хоть разъ !

„Ну клюнулъ, и прошло подальше, въ до-
 брый часъ.

„Что ново , то спрашишь ; извѣдано, — ужъ
 шутка !

„Ужель опъ своего малюпочки желудка

„Господскій будешь пусъ амбаръ?“—

Совѣшчика въ доводахъ даръ

Пришелъ по мысли пѣшуха.

Конечно, думалъ онъ, не много въ помъ грѣха!

Симъ маленькимъ носкомъ,

Не разорю я барскій домъ.

Пѣшухъ мои правъ ! и мысль его неспорно права!

Обѣды одного не сдѣлають вреда.

Но вошь бѣда :

Съ кого примѣръ берущъ? съ пристава.

Случилось точно такъ и шутъ !

Увидя, что пѣшухъ пшеницу началъ кушашъ,

Всѣ спадомъ на нее лепяшъ, бѣгущъ

И спорожа не мысляшъ слушашъ.

Онъ слово имъ; они въ ошпоръ словамъ :

Не кушай самъ.

Ну что пущымъ поможешь споромъ !

Ходишь по прежнему дозоромъ

Охота въ немъ прошла;—

Да какъ изъ сыпнаго все вскакивашъ спола !

Такимъ-то способомъ пшеничка убыла:

Едва, едва ее оспалась половина.

Дошла та вѣсть до господина.

Бѣжитъ онъ къ пѣшуху,—шумитъ, и кажетъ

прутъ:

„Ужъ я тебя достану!“—

Кричитъ ему—„ахъ плутъ !

„Изрядно ты родѣль господскому карману!“

А шотъ въ ошвѣтъ: не дай напраслины пер-

пѣшь;

Однѣ глаза,—всего не угладѣть !

И впрямъ у пѣшуховъ *однѣ* у всѣхъ глаза!

Хозяину бѣ давно

Тутъ нужно,—*не лоза* ;

Но чаще взглядывашъ въ окно.

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Б а с н я.

Вездѣ къ пословицамъ имѣюшъ вѣру ;
Не къ снаши, къ снашили, все спавяшъ ихъ къ
примѣру:

Таковъ введенъ обрядъ!

А кто ему не плашишъ дани?

У насъ; у Русскихъ говоряшъ,
Что будто миръ худой полезнѣй доброй брани.
Напрошивъ лучше вѣкъ съ коварнымъ веси
войну;

Съ нимъ менѣ враждой, чѣмъ дружбой по-
теряемъ!

Врага мы спережемъ, а другу довѣряемъ.

Хочу къ пому сказаиъ вамъ сказочку одну.

Соскучилось овцамъ всегда быиъ на спорожѣ:

Вчера, сегодня, завшра шоже,

Все бѣгай опъ волковъ!

Не лзя и поиграшь свободно!

Ошправили онѣ за миромъ къ нимъ пословъ.

„Намъ, волки говоряшъ, и миролюбье сродно.

„Согласны съ вами мы въ союзъ вступишь;

„Но чшобъ довѣренность взаимно сохранить,

„То сдѣлаемъ пракпашъ въ порядкѣ самомъ
спрогомъ,

„И укрѣпимъ двойнымъ залогомъ:

„Мы вамъ дадимъ родныхъ своихъ сыновъ,

„Волчашокъ безъ когшей и безъ зубовъ;

„А вы намъ дайше вашихъ псовъ“—

Овечки добрыя опъ радости чупъ дышущъ:

Ну, думаяшъ, на вѣкъ спаслися опъ врага!

Даютъ собакъ, пракпашы пишущъ,

И прыгая бѣгутъ въ луга

Свободой полной наслаждаться.

Но вопъ случилось какъ:

Бывало волки къ нимъ начнущъ лишъ подби-
рашъся;

То вдругъ, на лай собакъ,

Бѣжишь паспущъ съ дубинкой:

Врядъ поживишься гдѣ одной скопинкой;

Теперь, какъ псы молчашъ,

А опъ волчашъ

Бѣгушъ къ волкамъ гонцы съ вѣспями;
Теперь они спавъ прежними врагами,
На сшадо невзначай набросились толпой,
И всѣхъ покушали овечекъ до одной.

СМЕРТЬ и ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ.

Б а с н я.

Когда-то смерть, изъ царства тѣней,
Къ любимцамъ всѣмъ своимъ оправила указъ:
„Въ такой-то день, въ такой-то часъ
„Собраться вамъ ко мнѣ для новыхъ положеній.
„Любя опечесиво, какъ мать,
„Для пользы его, не ради славы,
„Чтобъ все цвѣло вокругъ моей державы,
„Хочу себѣ изъ васъ наперсника избрать,
„Но тошъ лишь обратишъ вниманіе Царицы,
„Чьей болѣе рукой наполнились гробницы.“

Прочтень указъ. Оправился опрядъ;
Бѣгутъ: подагра, водяная,
Заваль, чахотка, сплинь, зараза моровая.
А съ ними въ рядъ

Мигрени, спазмы, флюсь, — лихой простуды
дѣти.

Всякъ льстившися бытъ наперсникомъ у смерти:

Но смерть на легкую всю сволочь ту
Едва ли обратишь изволила вниманье.
„Я васъ, сказала имъ, орудіями чшу;
„Вы исполняете чужое приказанье;
„Я не машинъ ищу, — мнѣ нуженъ машинистъ.“

Пушилося тогда другой породы зелье:
Предсаль дантисъ, цирюльникъ, окулистъ,
Учишель, ученикъ, езель и подмасперье,
И словомъ, весь почтенный Факультетъ,
Котораго, за грѣхъ, и счету членамъ нѣтъ.
А тамъ пороки всѣ единою толпою:
Злосъ, зависъ, мщеніе съ лютейшею войною,
Опустошавшею не рѣдко свѣтъ.
Возвеселилась смерть, взглянувъ на ихъ спашу,

Ослабя синія уста

И подняла изсохлую десницу,
Чтобъ перстомъ каждому опредѣлишь мѣста.
Ужъ всякъ изъ докторовъ воспоргомъ полонъ
мнишь,

Что примешь царскаго наперсника названье,

Ужъ всякой съ радости дрожитъ:
Но о, судьба! взошло *невоздержанье*,
И смерть имъ сдѣлавъ вѣсмъ учпивѣйшій
 поклонъ,
Съ *невоздержаніемъ* свой раздѣлила тронъ.

ПЕКИНСКОЕ РИСТАЛИЩЕ.

Иносказаніе.

Когда-то въ Пекинѣ вельможны спаршины,
Въ часы народной пишины,
Желая по трудахъ вкусить отдохновенье,
Стеклись въ ристалище своихъ извѣдашь силъ.
Не злато получишь шамъ побѣдишель мнилъ,
Но плески дланей въ награждение;
И безкорыстныхъ споль наградь
И сами мудрецы отнюдь не возгнушались.
Двѣ мешы въ поприщѣ Пекинцевъ назначались:
Одна для малыхъ чадъ,
Другая юношамъ и возмужалымъ.
Бѣгъ начался,—и вдругъ жена явилась шамъ.
Хочу сказать въ Кишаѣ небывалымъ,
Что жены тамошни сидятъ въ немъ по домамъ,
И къ бѣганью у нихъ всѣ запершы дороги;

Чшо съ дѣшпсва нѣжнаго, едва изыдушъ въ
свѣшъ,

Тѣсьмами крушяшъ имъ и спягиваюшъ ноги:
Безъ ногъ же въ поприщѣ спязашъся выгодъ
нѣшъ.

Но щасстью ихъ чрезъ шо, казалось, нѣшъ
упрашы.

Другихъ забавъ, другой и плашы

Въ награду чаяли онѣ своихъ трудовъ.

Да и къ чему въ краю намъ царства
Искашъ того, что внупръ находится домовъ?
Будь доброю женой, безъ прихостей, коварства;
Покропосши души кажи всѣмъ кропкѣйвзглядъ;

Пекись о благодравы чадъ,

О нуждахъ подданныхъ и ихъ забавахъ;

Будь доброй дочерью, сеспирой;

Блюди семейственнѣй покой,

И славу обрѣшай въ своихъ незлобныхъ нравахъ:

Вотъ поприще обширное для насъ!

Однако въ Пекинѣ на этошъ разъ

Въ риспалищѣ жена возмнила соспязашъся.

То видно праздная, иль сирая была,

Иль дома не найдя полезнѣй чѣмъ заняшъся,

За славою отъ скуки пришекла,

Иль ближнихъ чаяла увеселишъ шѣмъ взоры.

Не знаю въ испинну для нуждъ она какихъ,
 Но знаю, что забывъ скудѣльность ногъ своихъ,
 Съ мужами вздумала войши въ неравны споры.

Знакъ къ бѣгу данъ трубой.
 Коснѣя препенной стопой,
 Бѣжишь сподвижница, шапаясь съ каждымъ
 шагомъ,
 И силъ не ощуша, считаешь благомъ,
 Что мены дѣлскія достигла не упавъ;
 Ждешь общаго презора,
 Угрюмага опъ спарцевъ взора,
 Насмѣшекъ юношей,—опъ малыхъ чадъ забавъ;
 Ждешь,—и съ спыда главу на перси прекло-
 няешь.
 Но чтожъ? соборъ судей во длани ей пле-
 скаешь!

*

Мірѣ судишь въ насъ дѣла и подвигъ лишь
 единой;
 Знашокъ ихъ мѣряешь со способомъ и съ силой.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЗОЛОТО.

С к а з к а.

Жиль за моремъ спарикъ; онъ не былъ знашенъ,
Провель, какъ говорятъ, свой вѣкъ въ глуши;
Но былъ за доброшу души
Отъ всѣхъ почшенъ, всѣмъ милъ и всѣмъ при-
шенъ.

Совѣшаль попросить, иль съ нуждами, съ бѣдой
Къ нему бѣжалъ и малый и большой,
И всякой отъ него спокойнымъ возвращался.
Онъ не былъ и богатъ, однако жилъ безъ нужды;
Бывъ также гордоспи безумной чуждъ,
За слабосъ на людей не слѣшкомъ раздражался,
Умѣлъ отъ ней дѣлишь пороки:
„Найдите, говорилъ, такого, кто бы могъ
„Собой представить совершенство!
„Одинъ горбащъ, шопъ глухъ, шопъ хромъ,

„Другой каршавъ; а топъ съ бѣльмомъ,
„И недосташки ихъ суть общее наслѣдство.

„Природа на пущи,

„По коемъ каждому назначено идти,

„Разсыпала различныя каменья;

„Итакъ, чтобъ избѣжать паденья,

„Пойдемъ-ше, брашцы, мы рука съ рукой.—“

И подлинно онъ то оправдывалъ собой,

Всѣмъ просиравъ руку!

Съ печальнымъ грустью дѣлилъ, съ унылымъ
скуку:

Съ убогимъ серебро; когдажъ копѣйки нѣтъ;

То давъ, хотя благій совѣтъ,

Утѣшивъ, обласкавъ съ словами лиль надежду.

Случалось ли найши невѣжду,

Иль вершопраха, иль лжеца;

Съ такоюжъ кропостью, не зашѣвая ссоры,

Ихъ просвѣщаль умы и исправлялъ сердца.

Тамъ прекращалъ семейныя раздоры,

Здѣсь съ юными дѣвицами шушилъ,

Искалъ супруговъ имъ досшойныхъ;

Для всѣхъ былъ нуженъ, милъ,

И видѣлъ вкругъ себя однихъ довольныхъ.

Когда-то добрый сей мудрецъ

Часть. III.

††

Нашель несмѣшное червонцами имѣнье :

„Вопль новое убогихъ всѣхъ наслѣдье!“

Найдя онъ вдругъ вскричалъ; но подъ конецъ

Задумался и взялъ другія мѣры.

„Нѣтъ, лучше деньги шѣ пушу я въ ростъ;

„Войду въ чины, займу хорошій поспѣ :

„Ужель миниспры всѣ, судьи и кавалеры

„Достигли службою высокихъ споль честей?

„Ну много ль бы нашлось на спепеняхъ людей,

„Когда бы спепени за службу раздавались ?

„И графства съ молотка не рѣдко продавались;

„А проспенкой, судейской чинъ,

„Бездѣлица! куплю и не одинъ !

„Тогда въ доспоинствѣ семъ новомъ

„Могу для каждаго я пользу оказать :

„За припѣсненнаго горою спать;

„А сирому служишь покровомъ.

„Пришомъ и самъ ужъ сдѣлаюсь не шомъ;

„Не буду никакихъ домашнихъ знашь хлопотъ.

„Куплю побольше слугъ, соспрою домъ огром-
ный,

„Прибавлю пашней и садовъ ,

„И буду въ нихъ владѣлецъ полный. —“

Сказалъ и задесять замковъ

Любезные червонцы замыкаетъ.

Когда же снова онъ о почестяхъ мечтаетъ,
 Тогда пришли ему сказать,
 Что въ праздничномъ нарядѣ,
 Какъ по воскреснымъ днямъ то изстари въ
 обрядѣ,

Крестыяне юные сошлись поплясать

И ждуть его прихода.

„Какъ будто я живу для нихъ и хоровада!

„Вели однимъ начать.“

Хозяинъ опивчалъ и спрясался подалѣй,

Чтобъ лучше жертвой быть заботъ, мечты,
 печалей.

Потомъ придумалъ онъ

Участокъ золоша, назначеннаго бѣднымъ

Сложивъ съ шѣмъ золошомъ найденнымъ;

Но вдругъ за дверью слышитъ спонъ:

То бѣдный былъ изъ ближняго селенья;

Знавъ благосъ мудреца, пришелъ къ нему

Проситъ въ напаси вспоможенъя.

„Меня, онъ говоритъ, влекутъ въ шюрьму

„За то, что не плачу obroka,

„Недѣли не даютъ поправиться мнѣ срока!

„Ахъ! сжался, помоги бѣдѣ моей!

„Скошъ, рухлядь, хлѣбъ; все выпродано въ домѣ;

„Лишь шесшеро дѣшей оспалось на соломѣ.“—

Ей, ей,—

Нашъ Крезъ сказалъ,—нѣшъ ни единой
Копѣчки наличными теперь!
Просишель затворяешъ дверь,
Безъ подозрѣнія ко лжѣ поспыдной,
Вздохнулъ,—и вонъ ушелъ ни слова не сказавъ.

Тутъ сердце у себя богашый опыскавъ
Бѣжитъ къ крестьянину, бросается на шею,
Даетъ сто золопыхъ, съ признаніемъ въ винѣ;
Попомъ собравъ народъ живущій въ шой спранѣ:
„Друзья!“ имъ говоришь—„врага я здѣсь имѣю!
„Спасите опъ него!—съ шѣхъ поръ, какъ онъ
со мной,

„Я сдѣлался ни вашъ, ни свой:

„Душа моя черспивѣ камня спала.

„Сей врагъ: куски мешалла!

„Пусть всякъ изъ васъ возметъ единую ихъ
часть,

„И сердцу моему дасъ прежнее веселье.

„Въ рукахъ у одного, они влекутъ напасъ;

„По многимъ разоидясь приносятъ ушѣшенъе.“

*

Излишекъ золоша, равно какъ нищеты
Всегда покоя врагъ, нерѣдко правошы.

Р О Н Д О.

„Капризы не бѣда,“—швердитъ философъ
Сава!

„Милою обладать кпо ищешь права,
„Топъ можешь видѣшь ихъ сквозь пальцы,
сквозь ларнеть;

„Тому они ей, ей не слишкомъ въ дальній вредъ.
„О красотѣ ея гремишь по свѣшу слава;
„А денегъ!—счешу нѣтъ . ужель при нихъ
до нрава?

„Онѣ лицу, душѣ и разуму приправа.
„Запью шампанскимъ я и въ ужинъ и въ обѣдъ
„Капризы.

„Червонцы намъ въ бѣдахъ пристанище, за-
бава.“—

И вопъ уже онъ рабъ супружеска ушава;
И вопъ съ Милою живетъ уже пятъ лѣтъ;
И вопъ шампанскаго, красотъ, червонцевъ нѣтъ.
„Но чшожь оспалося?...“спокойствія оправа,—

Капризы.

С Л Е З А.

(Переводъ съ Французскаго Романа).

С Л Е З А

Есть боли тяжкой выраженье;

С Л Е З А

Являешь счастья упоенье ;

С Л Е З О Й

Скорьбъ пайнамъ сердца измѣняешь ;

Любовь презрѣнью опомщаетъ

С Л Е З О Й

*

С Л Е З А

Ходапай къ состраданью вѣрный;

С Л Е З А

Есть дружества символъ безцѣнный ;

С Л Е З О Й

И страсть изображаетъ муку,
И нѣжный взглядъ врачуешь скуку.

С Л Е З О Й

*

С Л Е З А

Воспоминанью плапишь дани ;

С Л Е З А

Смягчаетъ воина средь брани ;

В Ъ С Л Е З Ъ

Блещаятъ взаимны чувствъ влеченья :

Ахъ! сколько силы, выраженья

В Ъ С Л Е З Ъ.

*

СОНЪ съ КОРАБЛЯ. *)

Корабль быспрокрылый,
Печальную дѣву
Несетъ на хребтѣ.
Фебъ спрянулъ къ Фешидѣ,
Разсыдавъ рубины
Послѣднимъ лучемъ.
Премудрая Феба,
Сребрисшой стопою
Вспунила на твердь.
Горящія звѣзды
За ней, передъ нею
Грядою текутъ.
Разсѣлися пучи,
И въ облакахъ легкихъ
Чуть зримы бегутъ.

*) Между острововъ Оландіи и Борнгольма путешественница видѣла во снѣ своего брата, что подало поводъ къ сочиненію сихъ стиховъ, кошорые были къ нему посланы изъ Эльсинора.

Сиропка лешая
 Опъ думы и въ думу
 Ко сну перешла.
 Вѣшрѣ крылья успалы,
 Простря надъ водами
 Съ сиропкой уснуль.
 Все тихо и чинно,
 Какъ въ часъ міроздавья
 Подъ перстомъ Творца!
 Лишь море влюбленно
 Съ ропшаніемъ шихимъ
 Вздыхало помясь,
 И вздохами дѣву
 Легонько качало,
 Какъ въ люлькѣ пшеница!
 Еще изнемогши
 И спрашно и нѣжно
 О! море вздохни!
 Продли на минушу
 Сиропки дремоту.
 Ахъ, сладко ей спашь!
 Ей видишся Клодій!
 Въ веселіи свѣпломъ
 Предспалъ предъ нее;
 Смятенныя дѣвы
 Взялъ радостно руку

„Я швой!—“говорить.
 „Я швой неразлучно!
 „Дрожащія слезы
 „Ошри на очахъ!
 „Вошъ крылья: взовьюся,—
 „Три моря кипящи
 „Въ шри дни прелечу!
 „Вешрила надушы,
 „И вѣшрь упреждая
 „Я въ приспанъ всшуплю;
 „Самъ робкую дѣву
 „Въ спрану чужеземну
 „Введу подъ щипомъ!—“

Тушъ вѣшрь пробудился,
 Налегши на зыби
 Отрясъ онъ крыло.
 Пригнулися воды
 До дна углубленна,
 И всшали горой!
 Сиротка проснулась,
 Глядишь съ умиленьемъ,—
 Мнишь руку въ рукѣ.
 Но все шрепещеть
 Рука упраздненна:
 Сокровища нѣтъ!

Но взоръ обоянный
Вошще веселился
О Клодій ! мечта !

П Ъ С Н Я

Въ народномъ Рускомъ вкусѣ,

изъ мѣсечка Веилъ - Брукъ.

Оппирайшеся кленовыя !

Дружно наспишъ отворяйшеся

Вы, вороша Веилъ-Брукскія !

Пропусшите красну дѣвицу

Подышашъ пекучимъ воздухомъ !

Душно ей здѣсь въ заперши сидѣть,

За чешырями оградами,—

За чешырями ворошами!

Что за первыми ворошами

Хмѣль къ жердинкамъ прививаешся;

За вшорыми за ворошами
 Ярая пшеничка спелишся;
 Чшо за шрешьими ворошами
 Крушорогая коровушка
 На пуховой шравкѣ нѣжишся,
 Съ рѣзвымъ, маленькимъ шеленочкомъ;
 За чешвершыми ворошами
 Споишъ шеремъ на пригорочкѣ,
 Бурнымъ вѣшрамъ, какъ игрушечка!
 Нѣшу перема сосѣдняго,
 Нѣшу деревца вѣшвисаго!
 Въ перему шомъ красна дѣвица,
 Чужеземная, заморская,
 Подъ окномъ сидишъ печальная!
 Заплешаетъ кудри черныя
 Черезъ крупну нишъ жемчужную,
 Слезы крупныя роняючи,
 Заунывно припѣваючи:
 „О! неволя шы неволюшка!
 „Королевство чужестранное!
 „Холишь шы мою головушку,
 „Пуще гребня частозубчапа!
 „И хмѣлинка не одна цвѣпешъ;
 „Вкругъ жердинки увивается!
 „И пшеничка не одна роспешъ;

„Не былинкой, цѣлой нивою!

„Крушорогая коровушка

„Не одна въ долинь кормишя!

„Только я одна сиропкою,

„Будшо пшашка въ заперпи сижу.“—

ОГЛАВЛЕНИЕ

Третьей части.

С М Ъ С Ъ.

	стран.
Циклопъ Идиллія	1.
Ливія Идиллія	13.
Щасливый Меналкъ Идиллія	19.
Похвала любви	31.
Сумерки	43
Три друга	51.
Брату моему	53.
Графу Купайсову	55.
Къ П. М. Т. ой, на ужинъ А. С. Ш. ва, 23-го Генваря 1815 года	59.
Призываніе Мальвины	67.
В. И. Б. ой въ Альбомъ	79.
Въ Альбомъ 13-ти-лѣтней моей племянницѣ	86.
Ей же	88.
Въ Альбомъ 10-ти-лѣтнему Мар. нову	90.
Въ Альбомъ К. Д. Вл. вой	91.
Въ Альбомъ Писареву-Иванчину 1819 года	92.
Надписи	95.
Къ портретамъ двухъ братьевъ Айю	97.
На ищуканъ Орфел	98.
И. А. Крылову	99.
Мерзлякову	100.
Разговоръ между Аполлономъ и музою Бѣднаго снѣ- хотворца	103.

	стран.
Разговоръ между мною и женщинами	106.
Разговоръ у общества со временемъ	111.
Эпишадія нѣжно любимой супругѣ	115.
Ей же	116.
Эпишадія М. П. О. отъ его супруги	117.
Ему же	118.
На смерть друга моего	119.
Ей же	120.
Ангель смерти	121.
Мысль при гробѣ Его Импераш. Высочества ГЕОР- ГІЯ Принца Ольденбургскаго	125.
На кончину Графа Александра Ивановича Кушайсова	129.
На смерть Капишана Гвардейской Артиллеріи Рос- сислава Ивановича Захарова	132.
Воль, Осель и Конь, Басня	137.
Прохожій и господскій слуга, Басня	140.
Чугунные и глиняные горшки, Басня	143.
Пѣшухъ сторожъ, Басня	147.
Русская пословица, Басня	151.
Смерть и ея Придворные, Басня	154.
Пекинское респалище, Иносказаніе	157.
Добрый человѣкъ и золото, Сказка	160.
Рондо	165.
Слеза	166.
Сонъ съ корабля	168.
Пѣсня въ народномъ Русскомъ вкусѣ	172.